

Вестник

**Адвокатской палаты
г. Москвы**

Выпуск № 11-12 (37-38)

Москва, 2006

ВЕСТНИК

Адвокатской палаты
г. Москвы

Выпуск № 11-12(37-38)

Москва, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

В Совете Адвокатской палаты г. Москвы	3
Изменения в Реестре Адвокатской палаты г. Москвы	4
Судья и брак	7
Обзор дисциплинарной практики.....	10
Общественная экспертиза проекта Федерального Закона № 299752-4 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”»	50
Глава 15. Административные правонарушения в области финансов, налогов и сборов, рынка ценных бумаг	59
Решение Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации	61
Стали адвокатами	64

Редакционный совет «Вестника Адвокатской палаты г. Москвы»:

Председатель — РЕЗНИК Г. М.

Члены Редакционного совета:

ЖИВИНА А.В., ЗАЛМАНОВ В.Я., ПОЛЯКОВ И.А.

Ответственный за выпуск: ЗАЛМАНОВ В. Я.

«Вестник Адвокатской палаты г. Москвы». № 11-12 (37-38) за 2006

г.

Объем — 4,0 п.л. Тираж — 2000 экз. Свидетельство о регистрации № 015478.

Макет и верстка выполнены *М. Ф. Фоминой*. Заказ № 508.

Отпечатано в ОАО «Московская типография № 6», 115088, г. Москва,

ул. Южнопортовая, д. 24. Срок подписания в печать — 20.12.2006 г.

Заказчик: Адвокатская палата г. Москвы, 121205, г. Москва, ул. Новый Арбат,

Макет и верстка выполнены *М. Ф. Фоминой*. Заказ № 508.

Спечтано в ОАО «Московская типография № 6», 115088, г. Москв;

ул. Южнопортовая, д. 24. Срок подписания в печать — 20.12.2006 г.

чик: Адвокатская палата г. Москвы, 121205, г. Москва, ул. Новый А
д. 36/9, тел.: 290-98-94.

В Совете Адвокатской палаты г. Москвы

20 ноября 2006 г. состоялось очередное заседание Совета Адвокатской палаты г. Москвы. На заседании рассматривались вопросы приема в члены АП г. Москвы, приостановления и прекращения статуса адвокатов. Совет рассмотрел 24 дисциплинарных производства. Обсуждались также и иные вопросы текущей и перспективной деятельности Совета.

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

Решениями Совета Адвокатской палаты г. Москвы
внесены изменения в Реестр Адвокатских образований
г. Москвы

Внесены в связи с учреждением:

Адвокатские кабинеты

№	Ф.И.О.	Дата	Примечание
1	Ушаков Юрий Анатольевич	18.09.06	
2	Ушакова Надежда Михайловна	18.09.06	
3	Теплухина Вера Васильевна	18.09.06	
4	Сизов Михаил Михайлович	28.07.06	
5	Мордвинов Алексей Анатольевич	19.09.06	
6	Медведева Наталья Николаевна	01.10.06	
7	Долгов Сергей Андреевич	12.09.06	
8	Калошина Елена Николаевна	26.09.06	
9	Машошина Елена Юрьевна	27.07.06	
10	Митрофанов Юрий Петрович	26.09.06	
11	Осипенко Геннадий Евгеньевич	22.09.06	
12	Плахотя Владислав Владимирович	25.09.06	
13	Сорокина Ольга Михайловна	22.09.06	
14	Чевырова Светлана Николаевна	20.09.06	
15	Бюрчиева Анна Николаевна	02.10.06	
16	Гиберт Елена Витальевна	29.09.06	
17	Каряка Юрий Николаевич	03.10.06	
18	Лобанов Олег Иванович	02.10.06	
19	Арнст Елена Викторовна	06.10.06	
20	Азбиль Максим Григорьевич	09.11.06	
21	Ананичук Максим Викторович	15.11.06	
22	Боровкова Анна Александровна	03.11.06	
23	Бородин Петр Анатольевич	10.10.06	
24	Васькова Мария Валерьевна	22.10.06	
25	Демидова Юлия Валерьевна	11.10.06	
26	Кожевин Андрей Алексеевич	16.11.06	
27	Кузнецова Полина Валерьевна	19.10.06	
28	Лежнев Игорь Анатольевич	03.11.06	
29	Линкер Марина Анатольевна	13.11.06	

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

№	Ф.И.О.	Дата	Примечание
30	Михеева Жанна Владимировна	16.10.06	
31	Мугдусян Сержик Суренович	18.10.06	
32	Муллаянова Алла Анатольевна	26.10.06	
33	Мухамедов Михаил Кабирович	01.11.06	
34	Олецкая Екатерина Валерьевна	20.10.06	
35	Осипов Сергей Олегович	11.10.06	
36	Пупынина Наталья Николаевна	27.10.06	
37	Рубашкина Екатерина Владимировна	26.10.06	
38	Саенко Евгений Александрович	30.10.06	
39	Семененко Андрей Сергеевич	02.11.06	
40	Скуратова Елена Александровна	20.10.06	
41	Тен Андрей Владимирович	13.10.06	
42	Трусов Сергей Анатольевич	16.10.06	
43	Филиппов Алексей Григорьевич	09.11.06	
44	Чернофский Виталий Валерьевич	23.10.06	
45	Яньшина Оксана Владимировна	10.10.06	

Коллегии адвокатов

№	Название	Дата регистрации	Примечание
1	КА г. Москвы «Щербина, Новиков и партнеры»	16.06.06	
2	Московская Столичная КА	31.08.06	
3	МКА «Липцер, Ставицкая и партнеры»	14.08.06	
4	МКА «Курин и коллеги»	03.08.06	
5	МКА «Бельников, Смит и партнеры»	07.09.06	
6	КА «Адвокаты Москвы»	18.09.06	
7	Московская объединенная КА	05.09.06	
8	МКА «Ваш поверенный»	15.09.06	
9	МКА «Берг и Грин»	24.08.06	
10	МКА «Николаев и партнеры»	13.09.06	

Адвокатские бюро

№	Название	Дата регистрации	Примечание
1	МАБ «ЗаконоведЪ»	12.09.06	
2	АБ «Граненов и партнеры»	29.03.06	

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

3	АБ «Хлопунов, Выжлов и партнеры» г. Москва	10.10.06	
4	АБ г. Москвы «Юрколлегия»	11.10.06	

Исключены из Реестра в связи с ликвидацией:

Адвокатские кабинеты:

№	Ф.И.О.	Дата ликвидации	Примечание
1	Новиков Михаил Валентинович	16.06.06	Перешел в др. АО
2	Щербина Михаил Юрьевич	16.06.06	Перешел в др. АО
3	Мамилов Георгий Алексеевич	18.09.06	Прекр.ст.
4	Ламбин Александр Иванович	14.09.06	Прекр.ст.
5	Смирнов Владимир Борисович	25.09.06	Перешел в др. АО
6	Зайцева Людмила Александровна	29.09.06	Перешла в др. АО
7	Кривчикова Наталья Геннадьевна	02.10.06	Перешла в др. А.
8	Юшин Дмитрий Анатольевич	01.09.06	Перешел в др. АО
9	Логина Елена Алексеевна	01.11.06	Прекр.ст.
1	Гришин Александр Александрович	18.09.06	Перешел в др. АО
2	Голубева Марина Ивановна	10.10.06	Иска, из реестра
3	Киселев Андрей Васильевич	10.10.06	Иска.из реестра
4	Ковалев Сергей анатольевич	06.10.06	Приост.ст.
5	Заика Роман Леонидович	15.05.05	Прекр.ст.
6	Аскеров Аббас Али оглы	20.11.06	Прекр.ст.
7	Никифоров Игорь Олегович	20.11.06	Прекр.ст.
8	Звягина Людмила Владимировна	01.11.06	Приост. ст.
9	Королев Павел Геннадьевич	31.05.06	Перешел в др.АО
10	Сумин Владимир Павлович	01.11.06	Перешел в др.АО
11	Хлопунов Вячеслав Сергеевич	10.10.06	Перешел в др.АО
12	Выжлов Андрей Александрович	10.10.06	Перешел в др.АО
13	Жукова Александра Валерьевна	20.10.06	Прекр.ст.
14	Шмелев Роман Викторович	03.11.06	Перешел в др.АО

Коллегии адвокатов

№	Название	Дата ликвидации	Примечание
1	КА «Лунев и партнеры»	10.10.06.	Остался один адвокат из М. о.
2	МКА «Курин и партнеры»	Май 2006 г.	Один адвокат перешла в др.АО

СУДЬЯ И БРАК

Борьба с системным злом, принимающая форму кампании, как правило, приводит к эффекту бумеранга. С окончанием кампании заканчивается и борьба, а зло выглядит еще более непобедимым. Сами же инструменты этой конъюнктурной борьбы оказываются бесполезными либо даже вредными. Изобретенные в пылу кампании, они вступают в противоречие или со здравым смыслом, или с законом, или сразу и с тем и с другим.

Борьба с коррупцией вообще и с коррупцией в судах в частности — пример ровно на эту тему. Не будем даже обсуждать ее актуальности. Но уточним: «коррупция в судах» является международно-определенным термином, который отличается от общераспространенного термина «коррупция». У нас в России это мало кому известно и не слишком афишируется теми, кто знает. Дело в том, что судебная коррупция включает в себя принятие решений по указанию или под давлением государственных органов, и это во-первых, а потом уже, во-вторых, обыкновенное взяточничество.

Между тем проблема совершенно еще не изжитой государственной коррупции, от которой прежде всего и страдает сегодня судебская независимость, по-прежнему остается в тени. Зато активно предлагается и дебатруется набор антикоррупционных норм, включающий отчасти полезные, отчасти спорные, а отчасти совершенно эксклюзивные по своей негодности и даже неконституционное — отечественные «изобретения». Так, некоторые представители власти всерьез предлагают запретить браки между судьями и адвокатами.

Хотя подобной нормы, к счастью, еще нет, однако на местах блюстители отсутствующего закона уже опережают полет государственной мысли. Совершенно незаконно, но настойчиво судьям, имеющим жен или мужей-адвокатов, стали указывать в судебных зданиях на табличку с надписью «выход». Одному из авторов этой статьи об этом рассказывали на Алтае, Кубани и в Сибири. Короче, или разводись, или уходи из суда.

Когда де-факто, на том очень жизненном основании, что взятку судьбе можно передать только в супружеской спальне, кто-то

настойчиво проводит в жизнь запрет на супружескую любовь между адвокатом и судьей, может сложиться впечатление, что остальные проблемы суда — обеспечение кадрами (не хватает свыше 20% от штатной численности), привлечение в судебские кресла высококвалифицированных специалистов, материальное обеспечение суда, слушание дел в срок без затяжек и т.д., — практически уже решены. Но введение в судебскую этику вопросов брака может привести только к браку судебных решений. Как минимум потому, что уводит в сторону от реальных проблем коррупции.

Спору нет, участие супругов — судьи и адвоката — в одном процессе не укладывается ни в общечеловеческую, ни в судебную этику. Но на это и существует соответствующая норма. Такой семейной паре немедленно дадут отвод. Зато если они живут в гражданском браке, это еще придется доказать. Ну а при той норме, которая предлагается — никаких официальных браков между любым судьей и любым адвокатом, — гражданско-любовные отношения превращаются в единственный способ остаться и на работе, и в профессии. Если кто-нибудь сумеет объяснить, чем любовные отношения менее коррупционны, чем семейные, то мы готовы предложить и более радикальные меры: при обнаружении семейных уз разрубать их в принудительном порядке, по исполнительному листу.

А если всерьез, проблема значительно шире и принципиальнее.

В США, где нормы поведения третьей власти прописаны куда как жестко, судьи и адвокаты входят в одну ассоциацию юристов штата или города и совместно обсуждают в ее рамках все вопросы юридической профессиональной деятельности. А во Франции 1 декабря этого года судьи и адвокаты в мантиях совместно устроили митинг на ступенях парижского Дворца правосудия, протеста против ограничений судебской независимости.

Вопрос: зачем же у нас столь активно разделяют судей и адвокатов, что добрались уже до семейных отношений? Неужели действительно дойдет до разделения семей?

Петр БАРЕНБОЙМ,
Вице-президент Международного
Союза (содружества) адвокатов,
Генри РЕЗНИК,
Президент Адвокатской палаты г. Москвы;
Член Общественной палаты РФ

(Время, № 228, 11.12.2006 г.)

Небольшой постскрипtum к публикации наших коллег

На фотографии запечатлен один из моментов митинга, прошедшего 1 декабря 2006 г. на ступенях Парижского Дворца правосудия. Заметим, что его участники, это не только судьи, судебные делопроизводители, но и адвокаты. Как указала газета «Фигаро», адвокаты пришли поддержать своих коллег и вместе с ними обратить внимание правительства и, в частности, Мини-стерства юстиции на необходимость уважения к суду и его решениям, обеспечить достойное финансирование деятельности судебного персонала, увеличить оплату труда адвокатов, выступающих в делах по назначению.

ОБЗОР ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРАКТИКИ

1. В соответствии с Кодексом профессиональной этики адвоката запрещается принимать от доверителя какое-либо имущество в обеспечение соглашения о гонораре, за исключением авансового платежа. Адвокат также не вправе принимать поручение на выполнение функций органов управления доверителя — юридического лица по распоряжению имуществом и правами последнего.

...В Совет Адвокатской палаты Москвы поступила жалоба и.о. настоятельницы обители милосердия Русской православной церкви М., в которой заявительница утверждала, что Обитель в лице настоятельницы Матушки Е. и «Коллегия адвокатов «V&P» доктора права В.» в лице адвоката В., 24 августа 2004 года заключила договор об оказании адвокатских услуг, по которому Коллегия адвокатов «У&Р» обязывалась оказывать Обители юридическую помощь. 1 октября 2004 года между теми же лицами было заключено дополнение к указанному договору, в силу которого в случае неоплаты предоставленных адвокатских услуг в срок и в порядке, предусмотренные договором, либо отказа от оплаты по подписанному Заказчиком («Заказчиком» по договору и дополнению к нему именуется Обитель) Коллегия адвокатов «V&P» получала «право удерживать у себя документы, подтверждающие право на недвижимость и земельные участки», принадлежащие Обители в г. С. Дополнением к договору было также предусмотрено, что «удержанием правоустанавливающих документов на вышеназванную недвижимость и земельные участки могут обеспечиваться также требования, хотя и не связанные с оплатой услуг или возмещением издержек, связанных с предоставлением услуг и иных убытков, но возникших из обязательств по оплате услуг, вытекающих из договора». Одновременно, отдельным пунктом дополнения к договору, Обитель лишалась права «в одностороннем порядке без согласования с Коллегией адвокатов «У&Р» получать дубликаты

правоустанавливающих документов на вышеназванную недвижимость и земельные участки у нотариуса по месту нахождения недвижимости и земельных участков, производить отчуждение данного имущества, сдавать в аренду или как-либо иначе использовать в коммерческих и иных целях вышеназванную недвижимость и земельные участки», а также «получать какие-либо сведения, направлять какие-либо запросы, истребовать какие-либо справки в БТИ г. С., на предмет отчуждения либо какого-нибудь иного использования вышеназванной недвижимости и земельных участков». Впоследствии — 12 января 2006 года — адвокат В. выкупил у Обители, от имени которой действовала настоятельница К., упомянутые в дополнении к договору недвижимость и земельные участки.

В сентябре 2004 года Коллегия адвокатов «V&P» прекратила свою деятельность и адвокатом В. был учрежден адвокатский кабинет, однако, несмотря на это адвокат В. во взаимоотношениях с Обителью продолжал именовать себя адвокатом упомянутой коллегии адвокатов. Более того, уже в 2006 году адвокат В., действуя в качестве представителя Коллегии адвокатов «У&Р», участвует в рассмотрении семи арбитражных судебных дел по искам упомянутой коллегии адвокатов к Обители и М. патриархии.

В феврале 2006 года адвокат В., действуя по доверенности, выданной настоятельницей Обители К., продал принадлежащую обители квартиру в г. Москве.

Не оказав фактически никакой правовой помощи обители, адвокат В. потребовал от Обители оплату его деятельности и, в связи с отказом Обители, предъявил к ней иски о взыскании задолженности в арбитражный суд.

В своем обращении и.о. настоятельницы Обители милосердия Русской православной церкви М. утверждает, что, выступая от имени якобы прекратившей свою деятельность Коллегии адвокатов «У&Р», своими действиями адвокат В. нарушил положения Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» о соглашении между адвокатом и доверителем, положения Кодекса профессиональной этики адвоката, запрещающие адвокату как принимать поручения от доверителя на распоряжение имуществом последнего, так и принимать от доверителя имущество либо право на имущество в обеспечение соглашения о гонораре, просит «принять необходимые меры по пресечению незаконной деятельности Коллегии адвокатов «У&Р» и возглавляющего эту деятельность адвоката Воронина М. В.»

В подтверждение изложенного заявительницей представлены в Квалификационную комиссию копии соответствующих документов.

Изучив представленные материалы и объяснительную записку адвоката В., Квалификационная комиссия приходит к выводу, что адвокатом В. допущены нарушения Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Статьей 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» установлено, что адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (пункты 1 и 2), и что существенным условием соглашения является указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате (пункт 4). В нарушение указанных законоположений адвокатом В. не было заключено соглашение с Обителем, а в тексте заключенного от имени коллегии адвокатов соглашения не содержалось существенного условия — указания на адвоката, принявшего исполнение поручения.

Пунктом 5 статьи 16 Кодекса профессиональной этики адвоката установлено, что адвокату запрещается принимать от доверителя какое-либо имущество в обеспечение соглашения о гонораре, за исключением авансового платежа. Вопреки этому указанию Кодекса профессиональной этики адвоката В. принял от Обителя в обеспечение соглашения о гонораре правоустанавливающие документы на два земельных участка с находящимися на них жилыми домами в г. С., одновременно включив в дополнение к договору с Обителем условие об отсутствии у обителя права получать дубликаты документов и сведения, касающиеся указанной недвижимости, а также использовать эту недвижимость, отчуждать ее и сдавать ее в аренду. Квалификационная комиссия усматривает в этих действиях адвоката В. нарушение требований п. 5 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В силу пункта 3 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе принимать поручение на выполнение функций органов управления доверителя — юридического лица по распоряжению имуществом и правами последнего. Продав от

имени Обители квартиру, адвокат В. нарушил это требование Кодекса. Заявление адвоката В. о том, что сделку по продаже квартиры он совершил, действуя не как адвокат, а как «физическое лицо» по доверенности, не соответствует действительности, поскольку в договоре купли продажи квартиры указано, что сделка совершена представителем Обители **адвокатом** В., который таким образом при совершении указанной сделки позиционировал себя в качестве адвоката. Наличие у адвоката доверенности с поручением «управлять и распоряжаться всем принадлежащим Обители движимым и недвижимым имуществом на территории Москвы, в частности квартирой в г. Москве» не рассматривается Квалификационной комиссией как обстоятельство, освобождающее его от содержащегося в п. 3 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката запрета принимать поручение на выполнение функций органов управления доверителя — юридического лица по распоряжению имуществом и правами последнего. Адвокат, осуществляющий по соглашению с Доверителем обязанности по оказанию юридической помощи, по мнению квалификационной комиссии, не может одновременно принимать на себя поручения по выполнению обязанностей, которые он в силу соответствующих законоположений выполнять не вправе даже в случаях получения на выполнение таких действий отдельной доверенности.

Кроме того, из исследованных квалификационной комиссией документов следует, что адвокат В. в нарушение п. 4 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» одновременно выступал в качестве адвоката Коллегии адвокатов «V&P», адвоката Адвокатского бюро «В. и партнеры». В Адвокатскую палату Москвы адвокат В. сообщил об учреждении им адвокатского кабинета, его объяснительная записка по настоящему дисциплинарному производству исполнена на бланке «Главы Адвокатского Дома «В. и партнеры» Доктора права В.» вообще без указания избранной им формы адвокатского образования. Отмечая указанное обстоятельство, квалификационная коллегия вместе с тем в силу п. 4 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката не вправе рассматривать вопрос о нарушении адвокатом В. упомянутой нормы закона, поскольку этот вопрос не был поставлен в обращении, явившемся поводом к возбуждению настоящего дисциплинарного производства.

На основании изложенного Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь п. 7 ст. 33 Феде-

рального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката выносит заключение о нарушении адвокатом В. требований п.п. 1, 2 и 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 9 и п. 5 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в том, что адвокатом В. не было заключено соглашения с Обителью, а в тексте заключенного от имени коллегии адвокатов соглашения не содержалось существенного условия — указания на адвоката, принявшего исполнение поручения, и в том, что он принял от Обители в обеспечение соглашения о гонораре правоустанавливающие документы на два земельных участка с находящимися на них жилыми домами в г. С., одновременно включив в дополнение к договору с Обителью условие об отсутствии у обители права получать дубликаты документов и сведения, касающиеся указанной недвижимости, а также использовать эту недвижимость, отчуждать ее и сдавать ее в аренду.

Совет согласился с мнением квалификационной комиссии и вынес решение о прекращении статуса адвоката В.

2. По окончании выполнения поручения адвокат не ограничен в праве как гражданин заключить с бывшим доверителем сделку, направленную на распоряжение бывшим доверителем адвоката своим имуществом, являвшимся предметом спора по делу, в котором адвокат принимал участие в качестве представителя.

13 июня 2006 г. судебная коллегия по гражданским делам У. областного суда обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с сообщением, указав в нем, что Я. обратился в суд с иском к К. о вселении в квартиру 11 дома 17/5 по ул. В. в г. У., ссылаясь на то, что на основании договора дарения от 18 ноября 2005 г. он является собственником 15/100 долей указанной квартиры, однако ответчица, которой принадлежат оставшиеся 85/100 долей, препятствует ему во вселении; не соглашаясь с иском, К. предъявила встречный иск к Я. и К. о признании недействительным договора дарения по мотиву его притворности и нарушения при его заключении Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката; в ходе рассмотрения дела суд установил, что Я., будучи в тот период адвокатом У. областной коллегии адвокатов, в 2004 году принимал участие в рассмотрении дела у мирового

судьи судебного участка г. У. по иску К. к К. о разделе совместного нажитого имущества, где представлял интересы истца, в подтверждение своих полномочий им был представлен в суд ордер от 03 августа 2004 г., выданный филиалом областной коллегии адвокатов, результатом рассмотрения дела стало решение мирового судьи от 03 декабря 2004 г. о признании за К. права собственности на 15/100 долей двухкомнатной квартиры № 11 дома 17/5 по ул. В. г. У.; указанную долю квартиры К. подарил Я. по договору от 18 ноября 2005 г.; суд первой инстанции, разрешая спор, пришел к выводу, что дарение К. принадлежащей ему доли квартиры адвокату Я. по оценке, значительно более низкой, чем ее действительная стоимость (10 000 руб.), явилось оплатой за оказанную ему юридическую помощь в ходе рассмотрения дела о разделе имущества супругов К., следовательно, заключенная между ними сделка безвозмездной не является и дарением быть признана не может, при таких обстоятельствах суд первой инстанции, сославшись на ст. 170 ГК РФ, признал договор дарения недействительным и привел стороны в первоначальное положение, кассационная инстанция решение суда оставила без изменения, а кассационную жалобу Я. — без удовлетворения; одновременно судебная коллегия сочла необходимым обратить внимание Адвокатской палаты г. Москвы на установленный по делу, по мнению судебной коллегии, «факт грубого нарушения членом палаты Я. статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, запрещающей адвокату приобретать каким бы то ни было способом в личных интересах имущество и имущественные права, являющиеся предметом спора, в котором адвокат принимает участие как лицо, оказывающее юридическую помощь».

...Выслушав объяснения адвоката Я., изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы сообщения судебной коллегии по гражданским делам У. областного суда от 13 июня 2006 г., Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Феде-

рального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Согласно пп. 8 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе приобретать каким бы то ни было способом в личных интересах имущество и имущественные права, являющиеся предметом спора, в котором адвокат принимает участие как лицо, оказывающее юридическую помощь.

В августе-декабре 2004 г. Я., будучи членом Адвокатской палаты У. области, оказывал гражданину К. юридическую помощь — представлял интересы доверителя в суде по иску к К. о разделе совместно нажитого имущества супругов. Решением мирового судьи судебного участка г. У. от 03 декабря 2004 г. было признано право собственности К. на 15/100 долей двухкомнатной квартиры № 11 в доме 17/5 по ул. В. в г. У. общей площадью 53,84 кв. м, доля К. в праве общей долевой собственности на указанную квартиру определена в 85/100. Решение вступило в законную силу.

После вынесения судом решения об удовлетворении иска К. (доверителя адвоката Я.) и вступлении этого решения в законную силу Я. закончил оказание К. юридической помощи как адвокат.

Вопрос о том, оплатил ли К. юридическую помощь, оказанную ему адвокатом Я., и каков должен был быть размер вознаграждения, не имеет значения для рассмотрения настоящего дисциплинарного производства, поскольку оно возбуждено не по жалобе доверителя адвоката. Данные о том, что К. имеет какие-либо претензии к адвокату Я. в связи с представительством в 2004 г. его интересов в споре с К., отсутствуют.

В силу п. 1 ст. 17 ГК РФ за К. и Я. признается способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность); они достигли восемнадцатилетнего возраста и приобрели способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданскую дееспособность, п. 1 ст. 21 ГК РФ). Доказательств обратного Квалификационной комиссии не представлено.

Будучи полностью дееспособными гражданами, К. и Я. 18 ноября 2005 г. заключили договор дарения, по которому К. подарил, а Я. с благодарностью принял 15/100 долей в праве общей долевой собственности на двухкомнатную квартиру, инвентаризационной стоимостью 188 360 руб., находящуюся в г. У., даримая доля была оценена сторонами в 10 000 рублей. На основании указанного

Обзор дисциплинарной практики

договора Управление Федеральной регистрационной службы зарегистрировало право общей долевой собственности Я. на 15/100 долей названной квартиры, о чем 12 декабря 2005 г. сделало запись регистрации 73-73-01/359/2005-399.

Таким образом, на момент заключения между К. и Я. договора дарения 15/100 долей в праве общей собственности на квартиру прошло около 11 месяцев после окончания представительства Я. интересов К. как истца по гражданскому делу о разделе данной квартиры как совместно нажитого имущества. На момент заключения и государственной регистрации договора дарения ни квартира, ни 15/100 долей в праве общей собственности на эту квартиру не были предметом спора, тем более такого, в котором бы адвокат Я. принимал участие как лицо, оказывающее юридическую помощь. Между тем согласно пп. 8 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе приобретать каким бы то ни было способом в личных интересах имущество и имущественные права, являющиеся (а не являвшиеся в прошлом) предметом спора, в котором адвокат принимает в настоящее время (а не принимал участие в прошлом) участие как лицо, оказывающее юридическую помощь.

Квалификационная комиссия отмечает, что содержащийся в пп. 8 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката запрет имеет своей целью не ограничить гражданскую дееспособность лица, являющегося адвокатом, а призван исключить сомнения в том, что «адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам» (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Эти же цели преследуют, например и запреты адвокату «оказывать доверителю юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды» (пп. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката), «ставить себя в долговую зависимость от доверителя» (п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката) и др. В то же время по окончании выполнения поручения адвокат не ограничен в праве как гражданин заключить с бывшим доверителем сделку, направленную на распоряжение бывшим доверителем адвоката своим имуществом, являвшимся предметом спора по делу, в котором адвокат принимал участие в качестве представителя.

Бессрочно адвокат обязан, например, хранить профессиональную тайну (ст. 8, 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 6 Кодекса

Обзор дисциплинарной практики

профессиональной этики адвоката), но он не обязан воздерживаться от заключения сделок с бывшим доверителем по окончании выполнения поручения на основании соглашения об оказании юридической помощи.

Исследовав доказательства, представленные участниками дисциплинарного производства на основе принципов состязательности и равенства прав участников дисциплинарного производства, Квалификационная комиссия приходит к выводу о том, что адвокатом Я. при обстоятельствах, описанных в сообщении судебной коллегии по гражданским делам У. областного суда от 13 июня 2006 г., не допущено нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и(или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

Одновременно Квалификационная комиссия обращает внимание заявителя на то, что согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и принятому на его основе Кодексу профессиональной этики адвоката, изначально лишь дисциплинарные органы адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, вправе выносить юридически значимые суждения по вопросу о наличии либо отсутствии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и(или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката Я. вследствие отсутствия в его действиях (бездействии), описанных в сообщении (частном определении) судебной коллегии по гражданским делам У. областного суда от 13 июня 2006 г., нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и(или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет согласился с мнением Квалификационной комиссии.

3. Адвокат как профессиональный участник судопроизводства (лицо, оказывающее квалифицированную юридическую помощь на профессиональной основе — см. ст. 1 и 2 ФЗ «Об адвокатской

деятельности и адвокатуры в Российской Федерации» обязан своими поступками укреплять веру в надежность такого общепризнанного способа защиты прав и свобод граждан, каковым является судебный способ защиты, что, однако, не исключает, а наоборот, предполагает необходимость оспаривания в корректной форме незаконных и необоснованных действий и решений, совершаемых (принимаемых) судьями по конкретному делу.

Адвокатом И. в соответствии с принятым поручением и ч. 4 ст. 354 УПК РФ была составлена и 06 февраля 2006 г. сдана в экспедицию районного суда г. Москвы кассационная жалоба в защиту осужденного К.

10 мая 2006 г. судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда, проверив в кассационном порядке по жалобам осужденного К. и его защитника адвоката И. законность, обоснованность и справедливость обвинительного приговора районного суда г. Москвы от 12 января 2006 г. в отношении К., оставила приговор без изменения, а кассационные жалобы без удовлетворения. При этом судебная коллегия обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с сообщением (частным определением), в котором указала, что судебной коллегией по настоящему делу были установлены нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные защитником И. при обжаловании судебного решения: в соответствии со ст. 9 УПК РФ в ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство, на основании ст. 53 УПК РФ защитник вправе использовать средства и способы защиты, не запрещенные УПК РФ, в соответствии со ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами и соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката; вопреки данным требованиям закона адвокат Иванов И.И., осуществлявший защиту осужденного К. на стадии кассационного обжалования приговора, в поданной им кассационной жалобе от 6 февраля 2006 г. неоднократно выказывал личностные характеристики оскорбительного характера в адрес судьи, суда, потерпевшего по делу Л., не допустимые в процессуальных до-

Обзор дисциплинарной практики

кументах и не вызываемые процессуальной необходимостью, а также не основанные на фактических обстоятельствах, установленных по делу; данные нарушения заявитель расценил как нарушение судебной и адвокатской этики, неуважение к судебной власти со стороны адвоката И., порочащее честь и достоинство адвоката и умаляющее авторитет адвокатуры, причем подобные нарушения допускались адвокатом И. и по другим делам ранее. Судебная коллегия сочла необходимым поставить в известность о вышеприведенных нарушениях со стороны адвоката И. Адвокатскую палату г. Москвы и ее Квалификационную комиссию.

...Изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы сообщения (частного определения) судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 10 мая 2006 г., Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката. За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7; п. 2 ст. 7 названного Закона).

По мнению заявителя, адвокат И. в кассационной жалобе в защиту К. от 06 февраля 2006 г. «неоднократно выказывал личные характеристики оскорбительного характера в адрес судьи, суда, потерпевшего по делу Л., не допустимые в процессуальных документах и не вызываемые процессуальной необходимостью, а также не основанные на фактических обстоятельствах, установленных по делу».

Ознакомившись с текстом кассационной жалобы, Квалификационная комиссия установила, что в ней защитником адвокатом И. приведены доводы, которые, по его мнению, свидетельствовали о незаконности, необоснованности и несправедливости вынесенного в отношении его подзащитного К. обвинительного приговора, что, по мнению защитника, должно было в силу ст. 379 УПК РФ повлечь его отмену.

В частности, в кассационной жалобе защитником была высказана версия произошедшего, якобы установленная им в соответ-

ствии с полномочиями адвоката, согласно которой осужденные в состоянии необходимой обороны защищали честь девушки — некоей гр. Л.

Не согласившись с данными доводами защитника, изложенными в его кассационной жалобе, судебная коллегия указала в кассационном определении, что «осужденный К. ни на следствии, ни в судебном разбирательстве не выдвигал каких-либо иных версий произошедшего, отличных от предъявленного ему обвинения. Как следует из показаний потерпевшего и осужденных, на месте происшествия кроме них никто не присутствовал, о каком-либо неприличном поведении потерпевшего или защите осужденными чести какой-либо девушки, и вообще наличии на месте происшествия кого-либо еще ни потерпевший, ни осужденные не заявляли. Защитник И. участия в судебном разбирательстве не принимал, вступил в дело в качестве защитника осужденного К. на стадии кассационного обжалования приговора. Версия, высказанная защитником в жалобе, какими-либо доказательствами по делу не подтверждается. Защитник И. каких-либо доказательств, высказанной им в жалобе версии произошедшего, не привел и на доказательства, имеющиеся в материалах дела, не ссылался. Граждане, которых упоминает в жалобе защитник (Л. и К.), свидетелями по делу не являлись, об их допросе стороны не ходатайствовали, они в материалах дела вообще не упоминаются. Судебная коллегия также отмечает, что данная позиция занята защитником вопреки позиции, занятой осужденным К. по делу, который последовательно признавал себя виновным в предъявленном обвинении, в том числе и в кассационной жалобе, в которой оспаривает только справедливость наказания».

Являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам, «адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности... за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии)» (п. 1 ст. 2, п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), Кроме того, в силу пп. 3 п. 4 ст. 6 названного Закона и пп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката «адвокат не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самоговора доверителя».

Таким образом, «высказав в кассационной жалобе иную версию случившегося», то есть, приведя доводы о недоказанности вины К., адвокат И. нормы законодательства об адвокатской деятельности и Кодекса профессиональной этики адвоката не нарушил, поскольку адвокат-защитник не вправе разойтись в позиции (в оценке случившегося) лишь с тем подзащитным, который вину отрицает, а К., наоборот, вину признал полностью.

В силу установленной в п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» гарантии независимости адвоката Квалификационная комиссия не усматривает нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и Кодекса профессиональной этики адвоката и в том факте, что в кассационной жалобе от 06 февраля 2006 г. адвокат И. неоднократно называл обжалуемый им обвинительный приговор районного суда г. Москвы от 12 января 2006 г. «заведомо неправосудным», «сфабрикованным», «сфальсифицированным», «сфабрикованным», а действия органов предварительного следствия и суда — «чудовищной фальсификацией», «изошреннейшей фальсификацией», «судебно-следственной фальсификацией», «умышленно-противоправной фабрикацией».

В то же время Квалификационная комиссия считает необходимым обратить внимание адвоката И. на то, что, во-первых, субъективное отношение судьи к сделанному им в приговоре выводу о виновности подсудимого (законно сформировавшееся внутреннее убеждение либо умышленное осуждение невиновного; халатность и т.д.) в силу ст. 354—389 УПК РФ не является предметом проверки суда второй инстанции, а во-вторых, доводы защитника были бы ясны суду кассационной инстанции и без использования, тем более неоднократного, корректных по форме, но чрезмерно эмоционально окрашенных и не имеющих при этом никакого правового значения эпитетов для характеристики приговора и действий органов предварительного следствия и суда.

Однако установленный в законе запрет на привлечение адвоката к ответственности за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение касается лишь существа этого мнения, но не формы его выражения. Поэтому, исходя из доводов заявителя, Квалификационная комиссия оценила на предмет соответствия адвокатской этике форму выражения адвокатом И. своих доводов в кассационной жалобе от 06 февраля 2006 г.

При анализе и юридической оценке оспариваемой заявителем формы изложения адвокатом И. своих доводов в кассационной жа-

лобе от 06 февраля 2006 г. Квалификационная комиссия учитывала положения Кодекса профессиональной этики адвоката о том, что: «При осуществлении профессиональной деятельности адвокат... придерживается манеры поведения, соответствующей деловому общению» (п. 2 ст. 8);

«Адвокат не вправе: ...допускать в процессе разбирательства дела высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников разбирательства...» (пп. 7 п. 1 ст. 9);

«Участвуя или присутствуя на судопроизводстве..., адвокат должен проявлять уважение к суду...» (ч. 1 ст. 12), «Возражая против действий судей..., адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом» (ч. 2 ст. 12).

По мнению Комиссии, адвокат И. нарушил п. 2 ст. 8, пп. 7 п. 1 ст. 9 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, включив в кассационную жалобу от 06 февраля 2006 г. на приговор районного суда г. Москвы от 12 января 2006 г. в отношении К. следующие суждения о незаконности, необоснованности и несправедливости приговора, а равно о личности и о поступках председательствующего по делу судьи:

«судья П. организовал некий *антипроцессуальный «винегрет»*»;

«согласно *фантазиям* упомянутого судьи»;

«господином П. были *цинично пущены под откос* Постановления десятков Пленумов Верховного Суда СССР, РСФСР и РФ»;

«этого *кощунственного издевательства* над УПК РФ вполне достаточно»;

«прочитывать весь объем этой *обобщенной «новеллы-мешанины»* под авторством этого уникального *«бестселлера»* судьи П.»;

«в этом *антипроцессуальном «рагу»* господином П. даже не было указано»;

«вся эта *антипроцессуальная «куча-мала»*»;

«вся эта *«винегретоподобная» страшилка* объективно в судебном заседании ничем, никем и никак не подтвердилась»;

«*хитромудрый*» судья П.»;

«*антипроцессуальная выходка*»;

«свидетели происшедшего буквально рвутся в зал судебных заседаний, чтобы дать показания..., а судья П., попросту, *вышвыривает их вон!!!!???*»;

«объективную истину по делу так бы и не удалось извлечь из *вязких глубин антипроцессуального болота изоциреннейшей фальсификации*».

Нарушение норм Кодекса профессиональной этики адвоката. Квалификационная комиссия усматривает в том, что при написании кассационной жалобы адвокатом И. был применен прием сленговой неологизации, то есть он создал и включил в текст жалобы новые слова в сленговом (вульгарном) стиле — антипроцессуальный «винегрет», обобщенной «новеллы-мешанины», антипроцессуальном «рагу», антипроцессуальная «куча-мала», «винегретоподобная» страшилка, «хитромудрый» судья», «вязкие глубины антипроцессуального болота изощреннейшей фальсификации», а равным образом использовал для оценки действий и решений судьи, постановившего обжалуемый приговор, откровенно уничижительную лексику — «фантазии судьи», судьей «цинично пущены под откос» постановления пленумов, судья — автор «уникального бестселлера [приговора]», судья «вышвыривает их [свидетелей] вон».

Использование в кассационной жалобе перечисленных сленговых неологизмов (вульгаризмов) и иной уничижительной лексики имело своей единственной целью в резкой экспрессивнонасыщенной форме обличить судью, постановившего обжалуемый приговор, придать эмоционально-негативную окраску его действиям, создать усиленно-отрицательный фон, не требуемый в официальном документе, поскольку никакой самостоятельной смысловой ценности в контексте анализируемой кассационной жалобы использованные адвокатом И. при ее написании приемы не имеют, а существо доводов автора жалобы было бы понятно суду кассационной инстанции без образной уничижительной лексики.

Адвокат как профессиональный участник судопроизводства (лицо, оказывающее квалифицированную юридическую помощь на профессиональной основе — см. ст. 1 и 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ») обязан своими поступками укреплять веру в надежность такого общепризнанного способа защиты прав и свобод граждан каковым является судебный способ защиты, что, однако, не исключает, а, наоборот, предполагает необходимость оспаривания в корректной форме незаконных и необоснованных действий и решений, совершаемых (принимаемых) судьями по конкретному делу.

При этом в названных выше положениях п. 2 ст. 8, пп. 7 п. 1 ст. 9, ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката содержатся четкие нравственные ориентиры для соответствующего поведения адвоката, которые адвокатом И. при написании кассационной жалобы от 06 февраля 2006 г. в защиту К. были нарушены.

Изложенное приводит Квалификационную комиссию к заключению о том, что адвокат И., включив в кассационную жалобу от 06 февраля 2006 г. в защиту К. перечисленные сленговые (вульгарные) и иные негативно-оценочные суждения, проявил неуважение к федеральному судье районного суда г. Москвы П., поскольку свое несогласие с вынесенным судьей приговором выразил в некорректной форме, без соблюдения манеры поведения, соответствующей деловому общению; допустил в жалобе высказывания, умаляющие честь и достоинство судьи, то есть нарушил п. 2 ст. 8 пп. 7 п. 1 ст. 9 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодексом профессиональной этики адвокатов (ст. 18 п. 1 Кодекса).

Относительно содержащихся в сообщении заявителя утверждений о том, высказанные адвокатом И. в кассационной жалобе в адрес федерального судьи П. личные характеристики носили «оскорбительный характер», Квалификационная комиссия отмечает, что в ее компетенцию не входит решение вопроса о наличии в действиях участника судебного заседания признаков уголовно-наказуемого деяния (см. ч. 2 ст. 297 УК РФ).

Равным образом, в рамках настоящего дисциплинарного производства Квалификационная комиссия не вправе проверять на предмет соответствия нормам законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и(или) Кодекса профессиональной этики адвоката содержащиеся в кассационной жалобе суждения («личные характеристики») адвоката И. о потерпевшем Л. (например, «престарелый ночной маньяк», «старый прелюбодей»), поскольку последний, являясь совершеннолетним дееспособным частным лицом, с жалобами на действия адвоката И. не обращался, свое негативное отношение к содержащимся в кассационной жалобе суждениям о потерпевшем не высказывал, о привлечении адвоката к ответственности не просил.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональ-

ной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о нарушении адвокатом И. п. 2 ст. 8, пп. 7 п. 1 ст. 9, ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката при составлении и подаче 06 февраля 2006 г. кассационной жалобы на приговор районного суда г. Москвы от 12 января 2006 г. в отношении К., выразившемся в использовании в кассационной жалобе сленговых неологизмов (вульгаризмов) и иной уничижительной лексики для оценки действий председательствовавшего по делу федерального судьи П. и вынесенного им обвинительного приговора.

Совет на основании заключения Квалификационной комиссии определил меру дисциплинарного взыскания адвокату И. в форме предупреждения.

2. Квалификационная комиссия неоднократно обращала в своих заключениях внимание на то, что заявления на действия председательствующего, вне зависимости от их обоснованности, являются процессуальным правом участника судебного разбирательства, прямо предусмотренных ст. 243 УПК РФ, и ни при каких обстоятельствах само по себе не может расцениваться как пререкание с председательствующим и проявление неуважения к суду.

...09 августа 2006 г. федеральный судья районного суда г. Москвы П. направил в Адвокатскую палату г. Москвы сообщение, указав в нем, что 14 июля 2006 г. районным судом г. Москвы рассматривалось постановление следователя СЧ ГСУ при ГУВД г. Москвы Р. о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей Т., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ; защиту интересов обвиняемого Т. осуществлял адвокат О., с которым у обвиняемого было заключено соглашение; в судебном заседании защитник О. неоднократно нарушил порядок судебного заседания, не подчинился распоряжениям председательствующего, а в ответ на предупреждения председательствующего о недопустимости такого поведения адвокат О. высказал свои суждения о заинтересованности суда в исходе рассмотрения ходатайства следователя; при этом адвокат О., полагая о заинтересованности суда, в установленном уголовно-процессуальным законом порядке отвод составу суда не заявил, а в грубой форме высказал некорректные суждения по поводу вступившего в законную силу приговора и состава суда, постановившего данный приговор; на сообщение председа-

Обзор дисциплинарной практики

тельствующего о том, что о подобном поведении защитника в судебном заседании будет сообщено в адвокатскую палату, адвокат О. пренебрежительно высказал свое согласие с этим. Заявитель просит обратить внимание адвоката О. на недопустимость подобного поведения в судебном заседании.

...Выслушав объяснения адвоката О., изучив письменные материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы сообщения федерального судьи районного суда г. Москвы П., Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката (пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), в силу которого:

«Адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии» (п. 1 ст. 4);

«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат... придерживается манеры поведения, соответствующей деловому общению» (п. 2 ст. 8);

«Адвокат не вправе: ...допускать в процессе разбирательства дела высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников разбирательства, даже в случае их нетактичного поведения» (пп. 7 п. 1 ст. 9);

«Участвуя или присутствуя на судопроизводстве..., адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду другим участникам процесса, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении. Возражая против действий судей и других участников процесса, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом (ст. 12).

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона).

Обзор дисциплинарной практики

В соответствии с пп. 6 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката жалоба, представление, сообщение признаются допустимыми поводами к возбуждению дисциплинарного производства, если в них указаны «конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им профессиональных обязанностей».

В сообщении заявителя указывается, что 14 июля 2006 г. при рассмотрении районным судом г. Москвы постановления следователя СЧ ГСУ при ГУВД г. Москвы Р. о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей Т., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ, его защитник адвокат О. «неоднократно нарушил порядок судебного заседания, не подчинился распоряжениям председательствующего».

Разбирательство в квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства (п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката), в связи с чем Квалификационная комиссия не вправе оценивать некие абстрактные поступки адвоката О., якобы совершенные им во время осуществления защиты обвиняемого Т. в судебном заседании районного суда г. Москвы.

Обвиняя адвоката О. в ненадлежащем поведении в судебном заседании, заявитель был обязан указать на конкретные факты такого поведения (дата, часть судебного заседания, суть нарушения и т.д.).

Квалификационная комиссия отмечает, что конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение стороны дисциплинарного производства, требующей привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении (адвоката).

Не указывая в сообщении, каким именно образом адвокат О. «неоднократно нарушил порядок судебного заседания, не подчинился распоряжениям председательствующего», заявитель приложил к сопроводительному письму копию протокола судебного заседания от 14 июля 2006 г.

Обзор дисциплинарной практики

Однако, изучив протокол судебного заседания, Квалификационная комиссия не обнаружила в нем сведений о том, что адвокат О. «неоднократно нарушил порядок судебного заседания, не подчинился распоряжениям председательствующего».

Как усматривается из протокола, возражая против удовлетворения ходатайства следователя о продлении до 4-х месяцев срока содержания под стражей обвиняемого Т., его защитник — адвокат О. не только указал на отсутствие, по его мнению, предусмотренных уголовно-процессуальным законом обстоятельств для удовлетворения ходатайства (ст. 97, 99, 109 ч. 2, ПО УПК РФ), но и обратил внимание суда на то, что, по мнению защитника, суд не вправе удовлетворить ходатайство следователя и по формальному основанию, а именно потому, что оно вынесено неуполномоченным должностным лицом. При этом защитник обосновал и аргументировал свою позицию, сославшись на то, что, по его мнению, уголовное дело было незаконно изъято из одного следственного подразделения органов внутренних дел и передано в другое следственное подразделение.

Позиция защиты по данному вопросу, как усматривает Квалификационная комиссия из протокола судебного заседания, была выражена в корректной форме.

Как можно заключить из протокола судебного заседания, защитник и председательствующий разошлись во мнении об относимости к предмету судебного исследования при рассмотрении постановления следователя о возбуждении ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей вопроса о законности вынесения именно данным следователем соответствующего постановления-ходатайства.

Являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам, «адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности... за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии)» (п. 1 ст. 2, п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Оценив же (в пределах представленных заявителем письменных доказательств) на предмет соответствия адвокатской этике форму выражения адвокатом О. в судебном заседании районного суда г. Москвы 14 июля 2006 г. своего мнения о законности и обо-

снованности постановления следователя СЧ ГСУ при ГУВД г. Москвы Р. о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей обвиняемого Т. до 4-х месяцев (в пределах представленных заявителем письменных доказательств), Квалификационная комиссия считает, что она не противоречила предписаниям Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Отдельные особенности в поведении адвоката-защитника, в том числе способы высказывания им своего мнения по обсуждающимся в судебном заседании вопросам, предусмотрены законом при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей (ст. 335 УПК РФ), однако они не имеют отношения к данному дисциплинарному производству.

В сообщении заявителя указывается, что 14 июля 2006 г. при рассмотрении районным судом г. Москвы постановления следователя СЧ ГСУ при ГУВД г. Москвы Р. о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей Т., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ, его защитник адвокат О. «в ответ на предупреждения председательствующего о недопустимости такого поведения высказал свои суждения о заинтересованности суда в исходе рассмотрения ходатайства следователя; при этом, полагая о заинтересованности суда, в установленном уголовно-процессуальным законом порядке отвод составу суда не заявил, а в грубой форме высказал некорректные суждения по поводу вступившего в законную силу приговора и состава суда, постановившего данный приговор».

Изучив представленный заявителем протокол судебного заседания, Квалификационная комиссия установила, что в нем имеются следующие записи:

«... Председательствующий напоминает адвокату, что в данном судебном заседании рассматривается только постановление следователя..., все иные вопросы, касающиеся производства предварительного следствия, в настоящем судебном заседании не рассматриваются.

Защитник: Данное ходатайство составлено неуполномоченным лицом — следователем ГСУ при ГУВД г. Москвы. Данное уголовное дело возбуждено следователем СО при ОВД Т. района г. Москвы, 19.04.2006 г. начальником СЧ ГСУ при ГУВД г. Москвы...

Обзор дисциплинарной практики

на основании п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ уголовное дело изъято и передано следователю ГСУ. Данное дело изъято и передано незаконно.

Председательствующий напоминает адвокату, что в настоящем судебном заседании вопрос о законности или незаконности действий и решений следователя, не связанных с избранием в отношении обвиняемого меры пресечения, рассмотрен быть не может.

Председательствующий предупреждает адвоката О. о недопустимости нарушения порядка в судебном заседании, недопустимости пререкания с председательствующим.

Защитник: Прошу занести в протокол возражения против действий председательствующего, который остановил защитника в момент приведения им своих доводов в обоснование своей позиции, позволил высказать, что ходатайство вынесено неуполномоченным на то органом, председательствующий незаконно вынес адвокату замечание. Такая позиция суда ясна, так как суд в этом же составе вынес заведомо незаконный и необоснованный приговор в отношении членов НП и в настоящее время проявляет заинтересованность.

Председательствующий предупреждает адвоката О. о недопустимости подобных высказываний по поводу вступившего в законную силу приговора суда, а также сообщает, что о нарушении защитником порядка в судебном заседании и неподчинении распоряжениям председательствующего судом будет сообщено в адвокатскую палату.

Защитник: Да, пожалуйста. Председательствующий повторно запретил защитнику высказаться в защиту Т.».

Квалификационная комиссия неоднократно обращала в своих заключениях внимание на то, что заявление возражений на действия председательствующего, вне зависимости от их обоснованности, является процессуальным правом участника судебного разбирательства, прямо предусмотренным ст. 243 УПК РФ, и ни при каких обстоятельствах само по себе не может расцениваться как пререкание с председательствующим и проявление неуважения к суду.

На таких же позициях стоит и судебная практика. Рассмотрев 21 июня 2005 г. в судебном заседании кассационную жалобу адвоката Фомина МЛ. на частное постановление Б. районного суда г. Москвы от 25 апреля 2005 г. по уголовному делу в отношении Б., которым было постановлено обратить внимание Адвокатской палаты г. Москвы на недостойное поведение защитника Ф., умаляющего

авторитет судебной власти, судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда отменила частное постановление районного суда, указав в кассационном определении (Дело № 22-6245), в том числе на то, что «Уголовно-процессуальным законом РФ предусмотрено право участников процесса: заявлять отводы, в частности и суду, а также подавать свои возражения на действия председательствующего. Указанные права, предоставленные участникам процесса при рассмотрении уголовных дел в судах, не могут рассматриваться как давление на суд, так как являются правами участников процесса, предоставленными им уголовно-процессуальным законом, в частности ст. ст. 53 и 243 УПК РФ... Проявление участником судебного разбирательства настойчивости в отстаивании своей позиции (неоднократные заявления однотипных ходатайств, повторная постановка допрашиваемым лицам повторных вопросов, отклоненных председательствующим, и т.п. ...) не может рассматриваться ни как нарушение порядка в судебном заседании, ни, тем более, как действия, умаляющие авторитет судебной власти» (См. *Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2006. № 2-3 (28-29). С. 66- 71*).

Вопрос о том, какой из предусмотренных УПК РФ способов процессуального реагирования на действия председательствующего избрать в конкретный момент судебного заседания — заявить отвод председательствующему (ст. 61-65 УПК РФ) либо возражения на его действия (ст. 243 УПК РФ) — находится в исключительной компетенции участника судопроизводства (в том числе, защитника), и обоснованность сделанного участником в данном конкретном случае выбора не может быть предметом проверки дисциплинарных органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации. В противном случае свобода реализации участником уголовного судопроизводства принадлежащих ему по закону процессуальных прав подверглась бы произвольному ограничению.

Квалификационная комиссия вновь напоминает, что, являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам, «адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности... за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии)» (п. 1 ст. 2, п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Обзор дисциплинарной практики

Что касается формы, в которой участник судебного разбирательства заявляет возражения на действия председательствующего, то, по мнению Комиссии, из протокола судебного заседания усматривается, что адвокат О. заявлял возражения на действия председательствующего в форме, которая вопреки утверждению заявителя грубой не является и не противоречит предписаниям Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат несет ответственность лишь за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем; за нарушение требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и норм Кодекса профессиональной этики адвоката и за неисполнение или ненадлежащее исполнение решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (пп. 1-3 п. 2 ст.17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката), а адвокат О. защиту обвиняемого Т. (в объеме, являющемся предметом проверки в рамках настоящего дисциплинарного производства) осуществлял в полном соответствии с законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, в том числе и Кодексом профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката О. вследствие отсутствия в его действиях (бездействии), описанных в сообщении федерального судьи районного суда г. Москвы П.

Совет согласился с мнением Квалификационной комиссии.

5. Квалификационная комиссия отметила, что конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту, в связи с чем Комиссия не вправе оценивать иные абстрактные «выражения и речевые обороты», якобы унизившие честь и достоинство заявителя.

Являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам «адвокат не может быть привлечен к какой-либо от-

ветственности... за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии)» (п. 1 ст. 2 , п. 2 ст. 18 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

... 25 августа 2006 г. в Адвокатскую палату г. Москвы из Главного управления Федеральной регистрационной службы по Москве в соответствии с пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» поступило представление от 25 августа 2006 г., в котором поставлен вопрос о рассмотрении обращения Заместителя прокурора г. М. Московской области Д. о нетактичном по отношению к нему поведении в судебных заседаниях адвоката А., осуществлявшего защиту подсудимого С. по уголовному делу.

В поступившем в Адвокатскую палату г. Москвы вместе с представлением ГУ Росрегистрации по Москве от 25 августа 2006 г. обращении Заместителя прокурора г. М. Московской области Д. от 28 июня 2006 г. указано, он принимал участие в качестве государственного обвинителя в рассмотрении М. городским судом Московской области уголовного дела в отношении С.

В ходе судебного разбирательства защитник подсудимого С. — адвокат А. вел себя вызывающе, агрессивно, допускал в своей речи выражения, свидетельствующие о проявлении им явного неуважения к государственному обвинителю как участнику судебного разбирательства, в частности, публично назвал его лжецом и юристом низкого класса, употреблял иные выражения и речевые обороты, унижающие честь и достоинство заявителя. Не делая выводов о виновности А. в совершении конкретных правонарушений, Заместителя прокурора г. М. Московской области Д. считает, что подобное поведение несовместимо со статусом адвоката, является нарушением пп. 7 п. 1 ст. 9, ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката и пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и, в соответствии с пп. 5 п. 1, п. 5 ст. 17 названного закона, основанием для рассмотрения вопроса о прекращении статуса адвоката А.

01 сентября 2006 г. Президент Адвокатской палаты г. Москвы, руководствуясь ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», возбудил дисциплинарное производство в отношении адвоката А. (распоряже-

Обзор дисциплинарной практики

ние № 159), материалы которого направил на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В соответствии с п. 13 Указа Президента РФ от 09.03.2004 г. № 314 (в ред. Указов Президента РФ от 20.05.2004 г. № 649, от 15.03.2005 г. № 295, от 14.11.2005 г. № 1319, от 23.12.2005 г. № 1522, 27.03.2006 г. № 261) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» вновь образованной Федеральной регистрационной службе, переданы от Министерства юстиции РФ функции по контролю и надзору в сфере адвокатуры и нотариата, за исключением функций по принятию нормативных правовых актов в установленной сфере деятельности.

В соответствии с п. 1, 2 и 6 Положения о Федеральной регистрационной службе, утвержденного Указом Президента РФ от 13.10.2004 г. № 1315 (в ред. Указов Президента РФ от 23.12.2005 № 1521, от 02.05.2006 № 450) «Вопросы Федеральной регистрационной службы» Федеральная регистрационная служба (Росрегистрация) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере адвокатуры и нотариата. Росрегистрация подведомственна Минюсту России. Основными задачами Росрегистрации являются:...

3) осуществление контроля и надзора в сфере адвокатуры и нотариата. Росрегистрация осуществляет следующие полномочия:...

10) осуществляет на территории Российской Федерации функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства Российской Федерации адвокатами, адвокатскими образованиями и адвокатскими палатами.

В соответствии с п. 5 Общего положения о территориальном органе Федеральной регистрационной службы по субъекту (субъектам) Российской Федерации, утвержденному Приказом Минюста РФ от 03.12.2004 г. № 183 (в ред. Приказов Минюста РФ от 28.09.2005 № 181, от 05.05.2006 № 149) «Об утверждении общего положения о территориальном органе Федеральной регистрационной службы по субъекту (субъектам) Российской Федерации» (зарегистрирован в Минюсте РФ 09.12.2004 г. № 6180) одной из основных задач территориального органа Федеральной регистрационной службы по субъекту (субъектам) Российской Федерации — главного управления (управления) Федеральной регистрационной службы по субъекту (субъектам) Российской Федерации является осуществление контроля и надзора в сфере адвокатуры и нотариата.

Обзор дисциплинарной практики

Таким образом, территориальный орган Федеральной регистрационной службы по субъекту (субъектам) Российской Федерации является органом государственной власти, уполномоченным в области адвокатуры.

В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката поводом для возбуждения дисциплинарного производства является представление, внесенное в Совет органом государственной власти, уполномоченным в области адвокатуры.

Основываясь на приведенных положениях российского законодательства, Квалификационная комиссия признает представление Главного управления Росрегистрации по Москве от 25 августа 2006 г. № 2006/77-22309 (вх. № 1839 от 25.08.2006 г.), содержащее просьбу рассмотреть обращение Заместителя М. городской прокуратуры Московской области Д. от 28 июня 2006 г. в отношении адвоката А., допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства и учитывает, что обстоятельства, перечисленные в п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, указаны в обращении Заместителя М. городской прокуратуры Московской области Д., приложенном к представлению.

Прежде чем перейти к анализу обоснованности доводов заявителя, Квалификационная комиссия считает необходимым сделать следующие оговорки относительно объема (предмета) настоящего дисциплинарного производства.

Не имея возможности согласно действующему законодательству самостоятельно инициировать возбуждение дисциплинарного производства в отношении адвоката А., Заместитель М. городского прокурора Московской области Д. 28 июня 2006 г. обратился в Федеральную регистрационную службу с письмом, в котором указал на допущенное, по мнению автора письма, нарушение адвокатом А. норм Кодекса профессиональной этики адвоката и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» при общении с государственным обвинителем Д. в судебном разбирательстве по уголовному делу в отношении С. Заявитель считал, что поведение адвоката А. являлось основанием для внесения органом государственной власти, уполномоченным в области адвокатуры, представления о прекращении статуса адвоката в соответствии с п. 6 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Ранее, 05 мая 2006 г., М. городской суд Московской области, закончив рассмотрение уголовного дела в отношении С., вынес в

Обзор дисциплинарной практики

адрес адвоката А. частное постановление, которое направил в Московскую городскую коллегию адвокатов для принятия соответствующих мер реагирования. Письмо от 13 июля 2006 г. № 171 Заместитель председателя Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов» С. сообщил М. городскому суду о рассмотрении частного постановления. Однако в Адвокатскую палату г. Москвы М. городской суд (чьё обращение согласно пп. 4 п. 1 ст. 20 было бы самостоятельным поводом для возбуждения дисциплинарного производства) каких-либо сообщений (частных постановлений) о действиях (бездействии) адвоката А. в связи с рассмотрением уголовного дела в отношении С. не направлял. Частное постановление М. городского суда от 05 мая 2005 г., равно как и протокол судебного заседания по уголовному делу № 1-525/05 от 31 октября 2005 г. — 05 мая 2006 г., были приложены Заместителем М. городского прокурора Московской области Д. к письму, направленному им в Федеральную регистрационную службу, в качестве доказательств обоснованности изложенных в письме доводов.

01 августа 2006 г. Начальник Управления по контролю в сфере адвокатуры и нотариата Федеральной регистрационной службы С. направила в Главное управление Федеральной регистрационной службы по Москве обращение Заместителя прокурора г. М. Московской области Д. по поводу действий адвоката А. для рассмотрения и решения вопроса о наличии оснований для внесения в соответствии с п. 6 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» представления в Адвокатскую палату г. Москвы о прекращении статуса названного адвоката; о результатах рассмотрения просила сообщить заместителю прокурора г. М. Московской области Д. и в Управление по контролю в сфере адвокатуры и нотариата Федеральной регистрационной службы. К данному письму были приложены документы, поступившие вместе с обращением Заместителя прокурора г. М. Московской области Д.

Форма и содержание письма (представления) Главного управления Федеральной регистрационной службы по Москве от 25 августа 2006 г., поступившего в Адвокатскую палату г. Москвы 25 августа 2006 г. свидетельствуют о том, что Главное управление Росрегистрации по Москве не воспользовалось предоставленным только ему п. 6 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» правом направить в Адво-

катскую палату г. Москвы представление о прекращении статуса адвоката А., для рассмотрения которого названная норма Федерального закона устанавливает особый правовой режим. Письмо (представление) было направлено с просьбой рассмотреть материал в отношении адвоката А. для решения вопроса о возбуждении дисциплинарного производства. В дисциплинарной практике Адвокатской палаты г. Москвы такие представления рассматриваются в общем порядке наряду с иными допустимыми поводами для возбуждения дисциплинарного производства, перечисленными в п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В этой связи Квалификационная комиссия не может признать правомерным содержащуюся в письме (представлении) Главного управления Федеральной регистрационной службы по Москве от 25 августа 2006 г. просьбу дать оценку нетактичному поведению адвоката А. по отношению к М. городскому суду, поскольку суд, в отличие от государственного обвинителя, был вправе самостоятельно обратиться в Адвокатскую палату г. Москвы с соответствующей просьбой (пп. 4 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката), однако этого не сделал. Направление М. городским судом Московской области частного постановления от 05 мая 2005 г. в Московскую городскую коллегия адвокатов никаких правовых последствий для Адвокатской палаты г. Москвы не создает. Равным образом, является ошибочным высказанное в письме (представлении) Главного управления Федеральной регистрационной службы по Москве от 25 августа 2006 г. утверждение о том, что якобы «09 августа 2006 года в Главное управление из Росрегистрации поступило обращение заместителя прокурора г. М. Московской области Д., а также копия частного постановления, вынесенного судьей М. городского суда Московской области Ч., о нетактичном поведении в судебных заседаниях адвоката А., осуществлявшего защиту подсудимого С. по уголовному делу. Копия частного постановления, вынесенного 05 мая 2006 г. судьей М. городского суда Московской области Ч., в самостоятельном качестве в Главное управление не поступала, она лишь была приложена к обращению Заместителя прокурора г. М. Московской области Д. в качестве письменного доказательства.

Поскольку любое сообщение суда (в том числе в форме частного постановления, определения) является в силу пп. 4 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката самостоятельным поводом для возбуждения дисциплинарного производства, то, сле-

Обзор дисциплинарной практики

довательно, единственный случай, когда сообщение суда может быть использовано органом исполнительной власти, уполномоченным в области адвокатуры, как источник информации о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и(или) Кодекса профессиональной этики адвоката, — это прямо обращенная к данному органу просьба суда воспользоваться специальным правом, предоставленным только данному органу п. 6 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (право направить в адвокатскую палату субъекта Федерации представление о прекращении статуса адвоката, сведения о котором внесены в соответствующий региональный реестр). Однако М. городской суд в Главное управление Росрегистрации по Москве с подобной просьбой в отношении адвоката А. не обращался.

Таким образом, представление ГУ Росрегистрации по Москве от 25 августа 2006 г. Квалификационная комиссия признает допустимым поводом для возбуждения настоящего дисциплинарного производства лишь в той части, в какой оно основано на обращении Заместителя прокурора г. М. Московской области Д. от 28 июня 2006 г. № 43540, причем на рассмотрение этого представления предписания специальной нормы — п. 6 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не распространяются, поскольку оно внесено в общем правовом режиме, установленном Кодексом профессиональной этики адвоката для всех допустимых поводов к возбуждению дисциплинарного производства.

...Выслушав объяснения участников дисциплинарного производства, изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы представления Главного управления Федеральной регистрационной службы по Москве от 25 августа 2006 г., основанного на обращении Заместителя М. городской прокуратуры Московской области Д. от 28 июня 2006 г. № 43540, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

С 31 октября 2005 г. по 05 мая 2006 г. М. городским судом Московской области рассматривалось уголовное дело по обвинению гражданина Республики Узбекистан С., в совершении убийства своего знакомого Н. в ночь на 19 февраля 2005 г., а также в подделке официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования (бланк

миграционной карты). Действия обвиняемого органами предварительного следствия были квалифицированы по ст. 105 ч. 1, 327 ч. 1 УК РФ.

Государственное обвинение в суде первой инстанции поддерживал Заместитель прокурора г. М. Московской области Д., защиту осуществлял адвокат А. В судебных прениях 11 апреля 2006 г. государственный обвинитель обвинение по ст. 105 ч. 1 УК РФ поддержал в полном объеме, а по обстоятельствам, связанным с миграционной картой на имя С., изменил обвинение в сторону смягчения — просил переqualифицировать действия подсудимого с ч. 1 на ч. 3 ст. 327 УК РФ (использование заведомо подложного документа); выступая 19 апреля 2006 г. с речью в защиту С. адвокат А. просил оправдать подсудимого по ч. 1 ст. 105 УК РФ «за недоказанность причастности», а также просил оправдать его и по ч. 1 ст. 327 УК РФ в связи с отсутствием в действиях С. «признаков преступления, объективной стороны преступления», при этом просил отказать государственному обвинителю о переqualификации действий с ч. 1 на ч. 3 ст. 327 УК РФ, поскольку в материалах уголовного дела имеется неотмененное постановление следователя о прекращении уголовного преследования С. по ч. 3 ст. 327 УК РФ по тому же эпизоду.

По приговору М. городского суда Московской области от 05 мая 2006 г. С. был оправдан по ч. 1 ст. 105 УК РФ в связи с непричастностью к совершению данного преступления, признан виновным по ч. 3 ст. 327 УК РФ и приговорен к наказанию в виде исправительных работ сроком на 9 месяцев; освобожден из-под стражи в зале суда в связи с полным отбытием наказания, назначенного по ч. 3 ст. 327 УК РФ.

17 августа 2006 г. судебная коллегия по уголовным делам Московского областного суда, рассмотрев кассационное представление государственного обвинителя на оправдательный приговор М. городского суда Московской области от 05 мая 2006 г., заслушав объяснения оправданного С., адвокат А., просивших об оставлении без изменения оправдательного приговора и об отмене обвинительного приговора, определила указанный приговор в части оправдания С. по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, оставить без изменения, кассационное представление — без удовлетворения, этот же приговор в части осуждения С. за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 327 УК РФ, отменить и дело производством прекра-

тить на основании ст. 27 ч. 1 п. 5 УПК РФ. При этом, прекращая производство по уголовному делу в части осуждения С. по ч. 3 ст. 327 УК РФ, кассационная инстанция указала: «В соответствии со ст. 27 п. 5 УПК РФ уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого прекращается при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления следователя либо прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Как видно из материалов дела, следователь в ходе расследования вынес постановление о прекращении уголовного преследования в отношении С. в части использования им заведомо подложного документа, то есть по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УПК РФ. Данное постановление не отменено. При таких обстоятельствах, судебная коллегия считает, что обвинительный приговор подлежит отмене, а производство по данному делу в этой части прекращению на основании ст. 27 п. 5 УПК РФ» (то есть фактически кассационная инстанция согласилась с доводами защитника адвоката А., которые впервые именно он привел в защитительной речи в суде первой инстанции).

По мнению Заместителя М. городского прокурора Московской области Д., поддержавшего государственное обвинение, адвокат А., участвуя в качестве защитника в рассмотрении дела в суде первой инстанции, «вел себя вызывающе, агрессивно, допускал в своей речи выражения, свидетельствующие о проявлении им явного неуважения ко мне [*государственному обвинителю Д. — Примечание Комиссии*] как к участнику судебного разбирательства, в частности, публично назвал меня [*государственного обвинителя Д. — Примечание Комиссии*] лжецом и юристом низкого класса, употреблял иные выражения и речевые обороты, унижающие мою [*государственного обвинителя Д. — Примечание Комиссии*] честь и достоинство».

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), согласно которому, в частности:

«Адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии» (п. 1 ст. 4 Кодекса);

«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат... придерживается манеры поведения, соответствующей деловому общению» (п. 2 ст. 8 Кодекса);

«Адвокат не вправе: ...допускать в процессе разбирательства дела высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников разбирательства, даже в случае их нетактичного поведения» (пп. 7 п. 1 ст. 9 Кодекса);

«Участвуя или присутствуя на судопроизводстве..., адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и другим участникам процесса, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении» (ч. 1 ст. 12), «Возражая против действий судей..., адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом» (ч. 2 ст. 12).

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона).

Из представленной заявителем копии протокола судебного заседания усматривается, что 19 апреля 2006 г. после выступления защитника А. с речью в защиту С. государственный обвинитель Д. и защитник А. воспользовались правом реплики (ч. 6 ст. 292 УПК РФ), при этом после реплики государственного обвинителя адвокат А. в своей реплике высказал, в частности, следующие суждения (лист 32 ПСЗ):

«Правом реплики пользуется адвокат А.: Государственный обвинитель весь процесс занимался тем, что фальсифицировал доказательства и лгал, я говорил, что выскажусь о том, чего не говорил гос. обвинитель. «Лжец вы, господин!». Я говорю о том, что мой оппонент юрист низкого класса...».

Адвокат А. в объяснениях указал, что протокол судебного заседания имеет смысловые противоречия, логические нестыковки как в предложениях, так и внутри абзацев, приписываемые адвокату слова, якобы обращенные в адрес государственного обвинителя, содержащие упреки во лжи, представляют собой искажения высказываний адвоката. При этом с протоколом судебного заседания адвокат не ознакомился и замечания на него не подвал.

Обзор дисциплинарной практики

Квалификационная комиссия не считает убедительными данные адвокатом А. объяснения причин, по которым он в конечном итоге не познакомился с протоколом судебного заседания и не подал на него замечания. Как усматривается из объяснений адвоката, вначале ему судом первой инстанции не был обеспечен доступ к протоколу судебного заседания, а впоследствии он уже не видел необходимости знакомиться с протоколом, поскольку приговор в основной части обвинения был оправдательный, а в оставшейся части кассационные жалобы ни им, ни его подзащитным не подавались, знакомиться же с протоколом судебного заседания нужно лишь в том случае, если это поможет доверителю.

Протокол судебного заседания допускается в качестве доказательства (ст. 83 УПК РФ). Отсутствие в материалах уголовного дела протокола судебного заседания является безусловным основанием к отмене приговора вышестоящей судебной инстанцией и направлению уголовного дела на новое рассмотрение (п. 11 ч. 2 ст. 381 УПК РФ).

Учитывая столь важное процессуальное значение протокола судебного заседания, наступление серьезных процессуальных последствий при выявлении недостатков протокола либо при его полном отсутствии, законодатель устанавливает ряд правил составления протокола судебного заседания, ознакомления с протоколом, подачи и рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания (ст. 259-260 УПК РФ).

Адвокат А. в установленном ст. 260 УПК РФ порядке замечания на протокол судебного заседания М. городского суда Московской области от 31 октября 2005 г. — 05 мая 2006 г. по уголовному делу № 1-525/05 не принес, что, по презумпции, свидетельствует о его согласии с содержанием протокола и, соответственно, о правильности отражения в протоколе судебного заседания, в том числе, произнесенных адвокатом А. заявлений, речей, реплик и т.д.

Поэтому утверждения адвоката А. о неправильном отражении в протоколе судебного заседания, в частности, его выступления в судебных прениях и с репликами Квалификационная комиссия признает надуманными, опровергающимися протоколом судебного заседания, который изготовлен в установленном уголовно-процессуальным законом порядке, а правильность сделанных в нем записей адвокатом в установленном порядке не оспорена.

Ознакомившись с отраженным в протоколе ходом судебного заседания, Квалификационная комиссия установила, что в пери-

од рассмотрения дела, закончившегося уже в первой инстанции вынесением оправдательного приговора по основной части обвинения, стороны активно представляли суду доказательства и участвовали исследовании представленных суду доказательств, обсуждали различные сложные уголовно-процессуальные вопросы, возникавшие во время судебного следствия.

При этом, как можно заключить из протокола судебного заседания, сложность дела, особенности представленных стороной обвинения доказательств (например, допрос с применением мер безопасности свидетеля К. — листы 13-об — 15-об ПСЗ; допрос свидетеля Д., который, по версии защиты, мог быть причастен к убийству потерпевшего — листы 8-11 ПСЗ), утрата стороной обвинения ряда важных доказательств (видеозаписи допроса Д.; негативов с фотографиями места происшествия во время его осмотра; оригинал миграционной карточки) и иные обстоятельства предопределили то, что судебное заседание проходило в достаточно напряженной, эмоционально-насыщенной обстановке.

Совершенно естественно, что в прениях сторона защиты (с основной частью доводов которой согласился уже суд первой инстанции, а с оставшейся частью доводов — суд второй инстанции) подвергла острой критике позицию стороны обвинения, обоснованно (как теперь усматривается из приговора и кассационного определения) обращая внимание на несостоятельность, непоследовательность, надуманность и, в конечном итоге, незаконность этой позиции.

Воспользовавшись правом ответной реплики, адвокат А. действительно произнес слова «лгал» и «лжец» (см. выше цитату из реплики).

Одно из значений слова «ложь» в русском языке — «неправда» (*Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1938. Том II. Столб. 85*), а «неправда» — это «то, что противоречит истине» (*Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1938. Том II. Столб. 533-534*). «Истина» же — это «идеал познания, заключающийся в совпадении мыслимого с действительностью, в правильном понимании, знании объективной действительности»; «то, что есть в действительности, соответствует действительности, правда» (*Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935. Том I. Столб. 1254*).

Проанализировав отраженный в протоколе ход судебного заседания, содержание речей сторон и их реплик в судебных прениях, Квалификационная комиссия приходит к выводу о том, что слова «ложь» и «лжец» были использованы защитником — адвокатом А. не для негативной характеристики личности государственного обвинителя Д., а **для выражения отношения защитника к объективной несостоятельности позиции стороны обвинения**, поскольку защитник хотел обратить внимание суда на то, что версия случившегося, которую государственный обвинитель считал истинной, то есть соответствующей тому, что имело место в действительности (в прошлом), на самом деле является ошибочной, ложной, то есть тому, что было в действительности (в прошлом), не соответствующей.

Произнося в полемике со стороной обвинения в контексте анализа представленных суду доказательств фразу «Лжец вы, господин!», адвокат А. имел в виду не личные субъективные качества Заместителя городского прокурора Д., а то, что картина происшедшего, которую нарисовал суду государственный обвинитель на основании оценки по внутреннему убеждению представленных суду доказательств, на самом деле не соответствовала той картине происшедшего, которую защитник считал истинной на основании сделанной им (защитником) оценки (с учетом позиции подзащитного С.) представленных суду доказательств.

Также Квалификационная комиссия напоминает, что как для вынесения оправдательного приговора, так и для наступления ответственности государства (Российской Федерации) перед гражданином за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (незаконные осуждение, привлечение к уголовной ответственности, применение в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде), субъективное отношение правоприменителя (дознателя, следователя, прокурора или суда) к принятым им по делу процессуальным решениям вообще не имеет правового значения (ст. 1070 ГК РФ).

Одновременно Квалификационная Комиссия обращает внимание адвоката А. на тот общеизвестный факт, что русский язык, по образному выражению И.С. Тургенева, «велик и могуч», содержит достаточное количество средств (синонимичные ряды и др.), позволяющих адвокату избегать в своей речи слов и словосочетаний, обоснованность использования которых в конкретном

случае может вызвать недопонимание и претензии со стороны других участников судопроизводства.

Воспользовавшись правом ответной реплики, адвокат А. действительно произнес фразу: «Я говорю о том, что мой оппонент юрист низкого класса... он не знает гражданского права». Названная фраза в реплике была использована в связи с упоминавшимися адвокатом А. в защитительной речи (листы 28-об — 29 ПСЗ) фактами обсуждения в судебном заседании вопроса о приобщении к материалам дела искового заявления свидетеля Ч. о возмещении материального вреда, связанного с затратами на погребение потерпевшего (лист 3-об ПСЗ), и признания на предварительном следствии территориального подразделения фонда страхования потерпевшим по признаку причинения морального вреда.

При оценке правомерности данного высказывания Квалификационная комиссия обратила внимание на следующую часть реплики государственного обвинителя Д., которая предшествовала реплике защитника А.: «Говоря в прениях о том, что по статье 327 часть 3 УК РФ имеется прекращение уголовного дела, прошу обратить ваше внимание, ваша честь, что данное постановление я не исследовал и **адвокат, профессионал высокого уровня**, об этом ходатайство не заявлял, но ссылается на это постановление в прениях...» (лист 31-об ПСЗ).

Согласно ч. 4 ст. 292 УПК РФ участник прений сторон не вправе ссылаться на доказательства, которые не рассматривались в судебном заседании или признаны судом недопустимыми.

Анализ контекста, в котором государственным обвинителем в реплике была произнесена в адрес адвоката А. фраза «и адвокат, профессионал высокого уровня», показывает, что эта фраза была произнесена в ироническом значении, поскольку государственный обвинитель таким образом хотел упрекнуть адвоката (защитника) в несоблюдении установленных УПК РФ требований к содержанию речи, а именно в том, что защитник сослался в обоснование своей позиции на неисследованное судом доказательство, каковым, по мнению государственного обвинителя, являлось постановление следователя о прекращении уголовного преследования в отношении Сарадалова С.А. по ч. 3 ст. 327 УК РФ.

Таким образом, фраза «юрист низкого класса» была использована адвокатом А. в реплике по отношению к государственному обвинителю Д. в ответ на первоначальную ироническую реплику последнего об адвокате.

Обзор дисциплинарной практики

По существу, обе использованные в репликах фразы («адвокат, профессионал высокого уровня» — с учетом контекста; «мой оппонент юрист низкого класса» как в контексте, так и вне контекста ввиду ее большей прозрачности) синонимичны, каждая из них выражает упрек стороны судопроизводства своему процессуальному оппоненту в несоблюдении и(или) незнании действующего законодательства.

Квалификационная комиссия считает совершенно излишней дачу сторонами судопроизводства взаимных личностных характеристик относительно знания/незнания действующего законодательства, тем более, что следует различать, с одной стороны, формальное знание, а с другой, — понимание смысла нормативного акта и умение его толковать. Однако с учетом ответного характера произнесенной адвокатом А. в реплике фразы и ее в целом корректной формы, Квалификационная комиссия не усматривает в этом нарушения адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и(или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

Не усматривая в факте употребления адвокатом А. в устной реплике слов «лгал», «лжец» и словосочетания «юрист низкого класса» нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и(или) Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия учитывает и позицию Европейского Суда по правам человека, высказанную им в деле «Гюндюз против Турции» [Gbndbz v. Turkey] (Application № 35071/97) по которому обжаловалась законность обвинительного приговора по делу руководителя религиозной секты, осужденного за выступление в телевизионной передаче, которое было признано разжигающим религиозную вражду в обществе (заявитель, лидер одной радикальной исламской секты, выступая в телевизионной передаче, цель которой состояла в том, чтобы в ходе дискуссии с участием нескольких человек представить эту секту и ее неортодоксальные идеи широкой публике, смешивал религиозные и социальные вопросы, заявляя, что дети, рожденные вне брака, являются «ублюдками»). Признав, что имело место нарушение ст. 10 Конвенции 1950 г., Европейский Суд по правам человека в постановлении от 4 декабря 2003 г. (вынесенном I секцией) подчеркнул, что хотя заявитель и использовал уничижительное выражение «ублюдки (*pic*)», он сделал это в ходе телевизионной передачи в прямом эфире, то есть у него не было возможности

переиначить высказанное, облагородить фразу или опустить ее до того, как употребленное им выражение станет достоянием публики. Тому факту, что мнение заявителя было высказано в ходе живой публично транслирующейся дискуссии, судам Турции при вынесении приговора следовало придать больший вес, чем это было ими сделано (См. *Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2004. № 4. С. 20-21*).

Кроме того, Квалификационная комиссия учитывает позицию, высказанную Европейским Судом по правам человека в деле «Киприану против Кипра» [Kyprianou v. Cyprus] (№ 73797/01) о том, что, исходя из требований ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, при оценке корректности заявлений, сделанных адвокатом в судебном заседании в процессе исполнения профессиональных обязанностей, следует исходить из принципа пропорциональности и недопущения «замораживающего эффекта» по отношению к исполнению адвокатом своих обязанностей защитника по уголовному делу (См. *Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 7, 2004. № 5*).

В сообщении заявителя указано, что адвокат А. не только «назвал его [государственного обвинителя — Примечание Комиссии] лжецом и юристом низкого класса», но и «употреблял иные выражения и речевые обороты, унижающие честь и достоинство» заявителя. Квалификационная комиссия отмечает, что конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту, в связи с чем Комиссия не вправе оценивать некие абстрактные «выражения и речевые обороты», якобы унизившие честь и достоинство заявителя. Кроме того, участвуя в рассмотрении дисциплинарного производства, Заместитель прокурора г. М. Московской области Д. пояснил, что суть его личных претензий к адвокату А. сводится к использованию в реплике слова «лжец» и словосочетания «юрист низкого класса».

Являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам, «адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности... за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии)» (п. 1 ст. 2, п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Обзор дисциплинарной практики

Что касается формы, в которой участник судебного разбирательства выражает свои мысли в судебном заседании, то, по мнению Комиссии, из представленных ей участниками дисциплинарного производства доказательств усматривается, что адвокат А. в реплике высказал свои суждения в форме, которая, вопреки утверждению заявителя, грубой не является и не противоречит предписаниям Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Исследовав доказательства, представленные участниками дисциплинарного производства на основе принципов состязательности и равенства прав участников дисциплинарного производства, Квалификационная комиссия приходит к выводу о том, что адвокатом А. при обстоятельствах, описанных в представлении Главного управления Федеральной регистрационной службы по Москве от 25 августа 2006 г., основанном на обращении Заместителя М. городской прокуратуры Московской области Д. от 28 июня 2006 г., не допущено нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и(или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката А. вследствие отсутствия в его действиях (бездействии), описанных в представлении Главного управления Федеральной регистрационной службы по Москве от 25 августа 2006 г., основанном на обращении Заместителя М. городской прокуратуры Московской области Д. от 28 июня 2006 г., нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и(или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет согласился с мнением Квалификационной комиссии.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКСПЕРТИЗА
проекта Федерального Закона № 299752-4
«О внесении изменений в Федеральный закон
“Об адвокатской деятельности и адвокатуре
в Российской Федерации”»

В пояснительной записке к данному законопроекту необходимость его принятия мотивируется целями:

- повышения уровня оказания квалифицированной юридической помощи на территории Российской Федерации;
- устранения ряда пробелов, выявленных в ходе реализации Федерального закона от 31 мая 2002 года №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон);
- установления справедливого баланса между законодательно гарантированной обществу честностью и добросовестностью адвоката и принципами независимости, самоуправления и корпоративности российской адвокатуры.

Однако все эти официально заявленные цели остаются чисто декларативными, не связанными с предлагаемыми новеллами. Статью 26 Закона, обеспечивающую доступ к юридической помощи малоимущим гражданам, законопроект вообще не затрагивает. Пробелы Закона, будто бы ликвидируемые поправками, в действительности отсутствуют. Противопоставлять честность и добросовестность адвоката принципам независимости, самоуправления и корпоративности адвокатуры совершенно неоправданно, ибо эти принципы как раз и призваны обеспечить надлежащее исполнение адвокатами своих профессиональных обязанностей.

Анализ законопроекта обнаруживает его истинную и единственную цель — усилить государственный контроль над адвокатурой. Степень этого контроля, в случае одобрения настоящей законодательной инициативы, становится таковой, что означает фактическую ликвидацию корпоративной организации адвокатуры как нормативно признанного института гражданского общества.

Правовое регулирование в сфере адвокатуры осуществляется, нормами Закона и Кодекса профессиональной этики адвоката (далее Кодекс). Важно отметить, что Кодекс принят Первым Всероссийским съездом адвокатов во исполнение полномочий, возложенных

на него непосредственно Законом. В соответствии с п. 2 ст. 4 Закона, Кодекс «устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности». В том, что осуществлено так называемое делегированное регулирование и содержательная регламентация ряда вопросов адвокатской деятельности отнесена Законом к компетенции самого адвокатского сообщества, и проявилось признание законодателем принципов корпоративной независимости и самоуправления адвокатуры.

Для авторов законопроекта Кодекса как будто не существует. Поэтому пробелами правового регулирования объявляются вопросы, которые детально регламентированы нормами Кодекса.

Так, предлагается изменить редакцию пункта 1 статьи 2 Закона, воспевающего адвокату «вступать в трудовые отношения в качестве работника, за исключением научной, преподавательской и иной творческой деятельности...», дополнив этот текст словами «заниматься предпринимательской, а также любой, кроме адвокатской, оплачиваемой деятельностью». Внесение этой поправки аргументируется в пояснительной записке тем, что «действующая формулировка пункта 1 статьи 2 Закона позволяет адвокатам заниматься фактически любым видом деятельности, что ставит под сомнение статус адвоката как независимого советника по правовым вопросам». Но такое утверждение прямо извращает действительное положение вещей. Пункт 3 статьи 9 Кодекса содержит запрет адвокату:

— «заниматься иной оплачиваемой деятельностью в форме непосредственного (личного) участия в процессе реализации товаров, выполнения работ или оказания услуг;

— вне рамок адвокатской деятельности оказывать юридические услуги

либо участвовать в организациях, оказывающих юридические услуги;

— принимать поручение на выполнение функций органов управления доверителя — юридического лица по распоряжению имуществом и правами последнего. Возложение указанных функций на работников адвокатских образований также не допускается», а в пункте 4 этой же статьи сформулировано: «Выполнение профессиональных обязанностей по принятым поручениям должно иметь для адвоката приоритетное значение над иной деятельностью. Осуществление адвокатом иной деятельности не должно порочить честь и достоинство адвоката или наносить ущерб авторитету адвокатуры».

Предлагаемая авторами законопроекта формулировка тотального запрета адвокату заниматься иной оплачиваемой деятельно-

стью отсутствует даже в Федеральном законе «О государственной гражданской службе в Российской Федерации». Свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности — конституционное право каждого и в силу части 3 статьи 17 Конституции РФ подлежит ограничению только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты прав и свобод других лиц, на основе критериев, исчерпывающий перечень которых дан в части 3 статьи 55 Конституции РФ. Запреты совмещать с предпринимательством определенные виды профессиональной деятельности, устанавливаемые отдельными федеральными законами, должны соответствовать этим конституционным положениям.

Конституционно-правовой смысл таких запретов для государственной службы и адвокатской деятельности различен. Запрет государственному служащему осуществлять предпринимательскую деятельность обусловлен противостоянием коррупции и тем самым защитой прав и свобод человека и гражданина, приоритетных для государственной службы. Адвокат — самозанятый работник, представитель свободной профессии и его независимость обеспечивается другим установленным пунктом 1 статьи 2 Закона запретом — работы по найму.

Нынешние нормы Закона и Кодекса обеспечивают как независимость адвоката, так и квалифицированность оказываемой им юридической помощи, не допуская в то же время неоправданного ограничения конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Существуют виды оплачиваемой деятельности не просто совместимые с адвокатской, но требующие профессиональных юридических знаний и поэтому традиционно выполняемые адвокатами в развитых правовых государствах: членство в третейских судах, в том числе международных; вхождение в советы директоров компаний; исполнение функций арбитражного управляющего. Предлагаемый законопроект явно не считается со статусом адвоката как самозанятого работника и вступает в противоречие с конституционными гарантиями прав человека и гражданина.

Неосновательно выдаются за пробелы законодательства вопросы, регламентации дисциплинарного производства — на самом деле они подробно урегулированы нормами Кодекса. При не вызываемой какой-либо необходимостью попытке перенести такие про-

цессуальные нормы из Кодекса в Закон, авторы полностью искажают своими поправками природу дисциплинарной ответственности и отличительные черты адвокатской деятельности. Походя, без всякого обоснования, ликвидируются детально регламентированные в Кодексе допустимые поводы для возбуждения дисциплинарного производства. Вместо этого предлагается проводить разбирательство в квалификационной комиссии и совете адвокатской палаты всех жалоб и обращений, поступивших от любых физических лиц и организаций. Но допустимые поводы не абстрактны, они привязаны к конкретным разновидностям дисциплинарных проступков адвоката. Адвокат обязан надлежаще исполнять свои профессиональные обязанности перед доверителем. Отношения между ними составляют адвокатскую тайну. Следовательно, только жалобы доверителя являются допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства по признакам недобросовестного или неквалифицированного оказания юридической помощи. Верховный Суд РФ в одном из своих решений специально обратил внимание на то, что уголовно-процессуальный закон «не содержит оснований для вынесения судом частных определений о ненадлежащем исполнении адвокатом своих обязанностей по защите интересов обвиняемого» (*Бюллетень ВС РФ. 1998. № 5. С. 12—13*).

Точно также — допустимые поводы для начала дисциплинарного производства: по признакам неуважения к суду — только сообщение самого судьи; по признакам некорректного отношения к коллеге — только жалоба самого посчитавшего себя оскорбленным адвоката; по признакам нарушения решений органов адвокатского самоуправления — только представление вице-президента адвокатской палаты и т. п.

Абсолютно неприемлемо предложение наделить всех заявителей правом обжалования в судебном порядке заключений Квалификационной комиссии и решений совета адвокатской палаты, вынесенных по результатам дисциплинарного производства, а суд — полномочием прекращать статус адвоката.

Особенность материально-правовой природы дисциплинарной ответственности составляет то, что она не предусматривает возмещение причиненного неправомерным деянием вреда, а является в чистом виде средством реагирования на нарушение правил профессионального поведения или трудовой служебной дисциплины. Вот почему решение по результатам дисциплинарного производства может затрагивать только субъективные права конкретного адвока-

та, и лишь ему принадлежит право обжалования решения Совета Адвокатской палаты о наложении дисциплинарного взыскания. У третьих лиц материально-правовой интерес при отказе привлечь адвоката к дисциплинарной ответственности либо прекратить его статус отсутствует, их права и свободы такими решениями совета адвокатской палаты не нарушаются — следовательно, нет объекта для гарантируемой ст.46 Конституции РФ судебной защиты.

Базовые принципы дисциплинарной ответственности практически едины для судей и адвокатов, ограждая их независимый статус и ставя пределы вмешательству, как государства, так и общества, в корпоративную деятельность судейского и адвокатского сообществ. Квалификационные комиссии и советы адвокатских палат выполняют те же функции, что региональные и высшая квалификационные коллегии судей и только они по ныне действующему законодательству вправе на основе совокупности критериев, сформулированных в кодексах профессиональной этики, решать вопрос о дисциплинарной ответственности членов своих корпораций. В свою очередь право обжалования в суд дисциплинарных решений принадлежит лишь подвергнутым взысканиям судьям и адвокатам. Предлагаемая ревизия этих признанных международных стандартов дисциплинарной ответственности не совместима с самим существованием независимого от государства, самоуправляемого корпоративного сообщества.

Ряд поправок неприемлемы в силу абсолютной невозможности их реализации на практике. Таково, в частности, предложение установить месячный (вместо нынешнего трехмесячного) срок рассмотрения поступивших жалоб, обращений и представлений всеми тремя органами адвокатской палаты — президентом, Квалификационной комиссией и советом, то есть по 10 дней в каждом. Столь же нереалистично предложение принимать решение Квалификационной комиссии двумя третями голосов от общего числа ее членов.

Большинство других поправок без всякой необходимости утяжеляют закон чисто процедурными вопросами.

Вывод: законопроект искажает концепцию ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принятого по инициативе Президента РФ В.В. Путина, не соответствует Конституции РФ, противоречит международным стандартам адвокатской деятельности, нарушает принципы корпоративной независимости и самоуправления адвокатуры, поэтому не может быть принят.

МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

П И С Ь М О

от 19 октября 2006 г. № 03-03-04/2/223

Департамент налоговой и таможенно-тарифной политики рассмотрел письмо по вопросу уплаты авансовых платежей по налогу на прибыль по вновь образованным обособленным подразделениям, находящимся на территории одного и того же субъекта Российской Федерации, и сообщает следующее.

1. С 1 января 2006 г., руководствуясь положениями п. 2 ст. 288 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — Кодекс), банк осуществляет уплату авансовых платежей и налога на прибыль по обособленным подразделениям, расположенным на территории одного субъекта Российской Федерации, через выбранное ответственное обособленное подразделение.

Поскольку на новый порядок уплаты налога на прибыль переходит налогоплательщик, то, соответственно, данный порядок уплаты налога на прибыль распространяется на все его обособленные подразделения, включая вновь созданные им в течение налогового периода.

В соответствии с п. 1 ст. 83 Кодекса организация, в состав которой входят обособленные подразделения, расположенные на территории Российской Федерации, обязана встать на учет в налоговом органе по месту нахождения каждого своего обособленного подразделения.

При создании нового обособленного подразделения банк после постановки на учет по месту нахождения нового обособленного подразделения обязан уведомить налоговый орган по месту своего нахождения о том, что по этому месту налог на прибыль уплачиваться не будет, а уплата налога на прибыль будет производиться по месту нахождения ответственного подразделения.

Авансовые платежи по новому подразделению включаются в состав декларации по итогам того отчетного периода, в котором создано новое подразделение, при условии, что уведомления на-

Письма, разъяснения, экспертизы, комментарии

лотовым органам об открытии нового подразделения уже посланы.

2. Если у организации на территории субъекта Российской Федерации, где создано новое подразделение, ранее имелось только одно обособленное подразделение, налогоплательщик обязан уведомить налоговые органы по месту нахождения этих подразделений о выборе обособленного подразделения, через которое будет осуществляться уплата налога в бюджет этого субъекта Российской Федерации.

Эти изменения должны быть отражены в учетной политике для целей налогообложения.

Заместитель директора
Департамента налоговой
и таможенно-тарифной политики
А. И. ИВАНЕЕВ

19.10.2006

МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

П И С Ь М О

от 24 октября 2006 г. № 03-03-04/2/226

Департамент налоговой и таможенно-тарифной политики рассмотрел письмо по вопросу о порядке документального подтверждения расходов на командировки для целей налогообложения прибыли и сообщает следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 252 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — Кодекс) расходами признаются обоснованные и документально подтвержденные затраты (а в случаях, предусмотренных ст. 265 Кодекса, убытки), осуществленные (понесенные) налогоплательщиком.

Под документально подтвержденными расходами понимаются затраты, подтвержденные документами, оформленными в соответствии с законодательством Российской Федерации. Расходами признаются любые затраты при условии, что они произведены для осуществления деятельности, направленной на получение дохода.

Согласно пп. 12 п. 1 ст. 264 Кодекса к прочим расходам, связанным с производством и (или) реализацией, относятся расходы на командировки, которые включают в том числе расходы по найму жилого помещения.

Согласно Трудовому кодексу Российской Федерации служебной командировкой считается поездка по распоряжению работодателя на определенный срок для выполнения служебного поручения вне места постоянной работы.

Приказ (распоряжение) о направлении работника в командировку и командировочное удостоверение являются, во-первых, документами, подтверждающими производственный характер командировки, во-вторых, документами, на основании которых определяется ее продолжительность.

Таким образом, приказ (распоряжение) о направлении работника в командировку и командировочное удостоверение имеют одно и то же назначение.

Письма, разъяснения, экспертизы, комментарии

Исходя из вышеизложенного организация может в локальном нормативном акте установить перечень документов, являющихся основанием для направления работника в служебную командировку.

В частности, это может быть приказ (распоряжение) о направлении работника в командировку и (или) выдача ему командировочного удостоверения, так как, по нашему мнению, параллельное составление двух документов по одному факту хозяйственной деятельности является необязательным.

Заместитель директора
Департамента налоговой
и таможенно-тарифной политики
А. И. ИВАНЕЕВ

24.10.2006

Глава 15. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ФИНАНСОВ, НАЛОГОВ И СБОРОВ, РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ

Статья 15.1. Нарушение порядка работы с денежной наличностью и порядка ведения кассовых операций

Нарушение порядка работы с денежной наличностью и порядка ведения кассовых операций, выразившееся в осуществлении расчетов наличными деньгами с другими организациями сверх установленных размеров, неоприходовании (неполном оприходовании) в кассу денежной наличности, несоблюдении порядка хранения свободных денежных средств, а равно в накоплении в кассе наличных денег сверх установленных лимитов, -

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от сорока до пятидесяти минимальных размеров оплаты труда; на юридических лиц — от четырехсот до пятисот минимальных размеров оплаты труда.

Статья 15.5. Нарушение сроков представления налоговой декларации

Нарушение установленных законодательством о налогах и сборах сроков представления налоговой декларации в налоговый орган по месту учета —

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от трех до пяти минимальных размеров оплаты труда.

Статья 15.6. Непредставление сведений, необходимых для осуществления налогового контроля

1. Непредставление в установленный законодательством о налогах и сборах срок либо отказ от представления в налоговые органы, таможенные органы и органы государственного внебюджетного фонда оформленных в установленном порядке документов и (или) иных сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, а равно представление таких сведений в неполном объеме или в искаженном виде, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 настоящей статьи, —

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одного до трех минимальных размеров оплаты труда; на должностных лиц — от трех до пяти минимальных размеров оплаты труда.

2. Непредставление должностным лицом органа, осуществляющего государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, выдачу физическим лицам лицензий на право занятия частной практикой, регистрацию лиц по месту жительства, регистрацию актов гражданского состояния, учет и регистрацию имущества и сделок с ним, либо нотариусом или должностным лицом, уполномоченным совершать нотариальные действия, в установленный срок в налоговые органы сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, а равно представление таких сведений в неполном объеме или в искаженном виде —

(в ред. Федерального закона от 08.12.2003 № 169-ФЗ)

влечет наложение административного штрафа в размере от пяти до десяти минимальных размеров оплаты труда.

Статья 15.11. Грубое нарушение правил ведения бухгалтерского учета и представления бухгалтерской отчетности

Грубое нарушение правил ведения бухгалтерского учета и представления бухгалтерской отчетности, а равно порядка и сроков хранения учетных документов -

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от двадцати до тридцати минимальных размеров оплаты труда.

Примечание. Под грубым нарушением правил ведения бухгалтерского учета и представления бухгалтерской отчетности понимается: искажение сумм начисленных налогов и сборов не менее чем на 10 процентов;

искажение любой статьи (строки) формы бухгалтерской отчетности не менее чем на 10 процентов.

В соответствии с Федеральным законом от 26.07.2006 № 134-ФЗ с 1 января 2007 года наименование статьи 15.12 будет изложено в следующей редакции:

«Статья 15.12. Выпуск или продажа товаров и продукции, в отношении которых установлены требования по маркировке и (или) нанесению информации, необходимой для осуществления налогового контроля, без соответствующей маркировки и (или) информации, а также с нарушением установленного порядка нанесения такой маркировки и (или) информации».

РЕШЕНИЕ
СОВЕТА ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПАЛАТЫ АДВОКАТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

28 ноября 2006 года г. Москва
(протокол № 8)

Заслушав и обсудив информацию вице-президентов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Гагарина Н.А. и Рогачева Н.Д. о страховании риска профессиональной имущественной ответственности, Совет Федеральной палаты адвокатов

РЕШИЛ:

1 .Принять информацию к сведению и дать следующее разъяснение.

С 1 января 2007 года вступает в силу пункт 6 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», вводящий обязанность адвокатов страховать риск своей профессиональной ответственности за нарушение условий заключенного с доверителем соглашения об оказании юридической помощи. При этом в соответствии со статьей 19 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации» адвокат осуществляет страхование риска своей профессиональной имущественной ответственности за нарушение условий заключенного с доверителем соглашения об оказании юридической помощи в соответствии с федеральным законом.

Из сопоставления указанных норм вытекает вывод о необходимости принятия *специального федерального закона*, регулирующего порядок и условия обязательного страхования профессиональной имущественной ответственности адвокатов.

На это указано и в Федеральном законе «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 31.12.1997 года № 157-ФЗ (с изменениями, внесенными Федеральным законом от 21.06.2004 года № 57-ФЗ). В соответствии с п. 4 этого закона условия и порядок осуществления обязательного страхования определяются федеральными законами о конкретных видах обязательного страхо-

вания. При этом в данной статье перечислены вопросы, подлежащие обязательному законодательному регулированию.

Концепция и проект такого закона разработаны рабочей группой Совета Федеральной палаты адвокатов РФ.

До настоящего времени федеральный закон, регламентирующий порядок и условия обязательного страхования, не принят, что лишает адвокатов практической возможности выполнять профессиональную обязанность по страхованию своей имущественной ответственности. При этом в случае профессиональной необходимости адвокат вправе в соответствии с п. 3 ст. 45 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» добровольно страховать риск своей профессиональной имущественной ответственности, заключая договоры страхования на приемлемых для них условиях.

Отсутствие необходимого нормативно-правового регулирования обязательного страхования профессиональной ответственности адвокатов является существенным обстоятельством, исключающим возможность возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвокатов, не заключивших договоры страхования профессиональной ответственности в добровольном порядке.

2. Рекомендовать советам адвокатских палат субъектов РФ:

2.1. Проинформировать адвокатов о:

— технических возможностях заключения адвокатами соответствующих договоров страхования (перечень страховщиков, установление примерных правил и условий страхования и т.п.);

— позиции налоговых органов, согласно которой расходы на добровольное страхование ответственности не признаются профессиональными вычетами в целях налогообложения (касается ЕСН), за исключением случаев, когда без такого страхования налогоплательщик не может осуществлять свою деятельность на территории иностранного государства (Письмо ФНС РФ от 17.10.2005 № 02-3-09/211® и др., Письмо Минфина РФ от 07.09.2005 № 03-03-02/74). Представляется, что для признания расходов на страхование профессиональными вычетами в целях налогообложения **по налогу на доходы физических лиц** в соглашении, заключаемом с доверителем, в целях установления связи расходов на страхование с дальнейшим получением вознаграждения за оказанную юридическую помощь необходимо определить страхование адвокатом профессиональной ответственности в качестве существенного условия соглашения.

Документы Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации

срок: до 20 декабря 2006 г.

2.2. В целях доработки проекта закона «Об обязательном страховании профессиональной ответственности адвокатов» обобщить и проанализировать ситуацию, связанную с заключением адвокатами договоров страхования, и представить в Федеральную палату адвокатов предложения по совершенствованию проекта, а также информацию по следующим вопросам:

а) с какими страховыми компаниями адвокатами заключены договоры страхования риска профессиональной имущественной ответственности. Имели ли место случаи отказа страховых компаний заключить договоры с адвокатами и их причины;

б) перечень страховых случаев, предусмотренных в договорах;

в) критерии и порядок определения страховщиками размеров страховых премий;

г) данные о фактах выплаты страховых сумм.

срок: по итогам полугодия и года 2007 г. 3. Рабочей группе по подготовке законопроекта о страховании риска профессиональной имущественной ответственности адвоката обобщить информацию адвокатских палат субъектов РФ и продолжить работу над законопроектом.

4. Опубликовать настоящее решение в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации».

5. Направить копию настоящего решения в адвокатские палаты субъектов Российской Федерации.

Президент Федеральной палаты
адвокатов Российской Федерации
Е.В. СЕМЕНЯКО

Поздравляем

Приняли присягу и получили статус адвоката:

- 1   **АРТЮХОВА** Ольга Георгиевна
- **БЕСПАЛЫЙ** Евгений Владимирович
- 2   **ВАЛИКОВ** Вадим Алексеевич
- **ЗАЙЦЕВА** Любовь Александровна
- 3   **ЗУБОВ** Алексей Юрьевич
- **КИРИЛЛОВ** Дмитрий Сергеевич
- 4   **КИСИЛЮК** Лариса Алексеевна
- **КЛИМОВА** Ольга Леонидовна
- 5   **КОВАЛЬЧУК** Владимир Романович
- **КРОТОВА** Светлана Валерьевна
- 6   **МАРИН** Георгий Юрьевич
- **МЕЛЬНИКОВ** Сергей Иванович
- 7   **НАРЫШКИН** Андрей Михайлович
- **ПАТАНИН** Николай Викторович
- 8   **ПЛЕХАНОВА** Виктория Викторовна
9.   **ПОСОХИНА** Веснина Васильевна
10.   **ПРОКОПОВ** Сергей Владимирович
- 11   **ПУЖЕНКОВ** Сергей Александрович
12.   **СОБОЛЕВА** Ольга Анатольевна
13.   **ШЕВЧЕНКО** Наталья Александровна
14.   **ШЕВЧЕНКО** Юрий Викторович
15.   **ШЕХАВЦОВА** Асель Физулиевна

